

Вторникъ, 15-го марта 1831.

Обѣдалъ съ принцемъ и г. Сорэ. Мы много говорили о Куррье и затѣмъ о развязкѣ повѣсти Гете, причемъ я замѣтилъ, что въ ней содержаніе и искусство слишкомъ возвышенны, а потому люди не знаютъ, что сказать о ней. Всѣ привыкли слышать и видѣть вновь то, что уже раньше видѣли и слышали; всѣ привыкли встрѣчать цвѣтъ поэзіи только въ чисто поэтическихъ произведеніяхъ, а потому въ настоящемъ случаѣ удивляются, видя, что онъ вырастаетъ изъ вполне реальной почвы. Въ области поэзіи допускается все, и нѣтъ такого неслыханнаго чуда, которому нельзя бы было не повѣрить; здѣсь-же, при ясномъ свѣтѣ дня, насъ оставливаетъ все, что хотя чуть-чуть уклоняется отъ обычнаго рода вещей, и изъ тысячи чудесъ вокругъ, къ коимъ мы привыкли, насъ беспокоитъ именно то, котораго мы доселѣ не знали. Точно также людямъ не трудно вѣрить чудесамъ прошлыхъ временъ; но придать современному чуду родъ дѣйствительности, и почтить его, какъ родъ высшей дѣйствительности, повидимому болѣе уже не свойственно людямъ, а если и свойственно, то вытравлено воспитаніемъ. Наше столѣтіе поэтому становится все прозаичнѣе, а съ исчезновеніемъ общенія съ сверхчужденнымъ и вѣры въ него, всякая поэзія будетъ все болѣе исчезать.

Развязка повѣсти Гете въ сущности ничего не предполагаетъ, кромѣ чувства, что человѣкъ не вполне оставленъ высшими существами, что они блюдаютъ за нимъ, принимаютъ въ немъ участіе и, въ случаѣ нужды, помогаютъ ему.

Эта вѣра столь естественна, что она свойственна человѣку и составляет основную часть его сущности и врождена всѣмъ народамъ, какъ краеугольный камень всѣхъ религій. Она сильно обнаруживается въ первыхъ человѣческихъ начинаніяхъ; она не слабѣетъ и при высокой культурѣ, и мы видимъ у грековъ, что она была велика еще въ Платонѣ, а равно въ авторѣ *Дафниса* и *Хлои*. Въ этой милой поэмѣ божественное является въ видѣ Пана и нимфъ, которые принимаютъ участіе въ благочестивыхъ пастухахъ и влюбленныхъ; днемъ они охраняютъ и спасаютъ ихъ, а ночью являются имъ во снѣ и научаютъ ихъ, что они должны дѣлать. Въ повѣсти Гете эти невидимые хранители мыслятся въ образѣ Вѣчнаго и ангеловъ, которые нѣкогда охраняли пророка въ страшной лавинѣ, и здѣсь окружаютъ и хранятъ вблизи подобнаго же чудища добраго ребенка. Левъ не разрываетъ мальчика; онъ становится кротокъ и послушливъ, ибо отъ вѣчности дѣйствующія высшія существа оказываютъ свое содѣйствіе.

Но это уже не кажется чудеснымъ невѣрующему девятнадцатому столѣтію, а потому поэтъ вводитъ еще могущественнаго дѣятеля, именно музыку; ея магическую силу люди чувствовали съ древнѣйшихъ временъ, она и нынѣ покоряетъ насъ, хотя мы и не знаемъ какъ это дѣлается.

И какъ Орфей, при помощи этой волшебной силы, привлечь къ себѣ всѣхъ лѣсныхъ звѣрей; какъ у послѣдняго греческаго поэта молодой пастухъ управляетъ козами при помощи флейты, заставляя ихъ разными мелодіями разбѣгаться и собираться въ кучу, бѣжать отъ врага и мирно пастись,—такъ и въ повѣсти Гете музыка оказываетъ дѣйствіе на

льва, заставляя его идти подь сладкія звуки флейты и слѣдовать всюду, куда того хочетъ невинный мальчикъ.

Говоря съ различными лицами объ этихъ неизъяснимыхъ вещахъ, я замѣтилъ, что человѣкъ до того убѣжденъ въ своемъ умственномъ превосходствѣ, что охотно приписываетъ тѣ же свойства богамъ, но что ему трудно рѣшиться удѣлить хоть частицу ихъ животнымъ.

Среда, 16-го марта 1831.

Обѣдалъ у Гете, которому я принесъ рукопись четвертаго тома его автобіографіи; мы много говорили о ней.

Мы говорили также о развязкѣ *Теллы*, причѣмъ я подивился, какъ Шиллеръ могъ впасть въ ошибку, и такъ унижить своего героя неблагороднымъ поведеніемъ относительно бѣжавшаго Швабскаго герцога, котораго онъ жестоко осуждаетъ, между тѣмъ какъ самъ хвалится своимъ собственнымъ дѣяніемъ.

«Это почти непонятно», сказалъ Гете; «но Шиллеръ, какъ и другіе, былъ подверженъ вліянію женщинъ, и если онъ такъ погрѣшилъ въ этомъ случаѣ, то благодаря именно подобнымъ вліяніямъ, а не по собственной доброй волѣ».

Пятница, 18-го марта 1831.

Обѣдалъ у Гете. Я принесъ ему *Дафниса* и *Хлою*, котораго онъ вздумалъ перечестъ.

Мы говорили о высокихъ правилахъ, и о томъ хорошо ли и возможно ли ихъ передавать другимъ людямъ. «Расположеніе къ воспріятію высокаго», сказалъ Гете, «встрѣчается весьма рѣдко, а потому

въ обиходной жизни благоразумнѣе хранить такія вещи про себя и высказывать ихъ постольку, поскольку необходимо, чтобъ имѣть нѣкоторое преимущество передъ другими»¹⁾).

Затѣмъ мы разсуждали о томъ, что многіе, особенно критики и поэты, совсѣмъ не сознають истиннаго величія, а потому приписываютъ чрезвычайныя достоинства посредственному.

«Люди», сказалъ Гете, «признають и хвалятъ только то, что они сами способны сдѣлать; нѣкоторые люди находятъ свою настоящую стихію именно въ посредственномъ, а потому они освистываютъ и забиваютъ, насколько возможно, такія литературныя произведенія, которыя хотя дѣйствительно достойны порицанія, но все таки заключаютъ въ себѣ нѣчто хорошее, ради того, чтобъ восхваляемая ими посредственность показалась выше».

Затѣмъ мы говорили о его *Теоріи цвѣтовъ* и о томъ, что нѣкоторые нѣмецкіе профессора все еще продолжаютъ остерегать своихъ учениковъ отъ нея, какъ отъ большого заблужденія.

«Мнѣ жаль при этомъ только нѣкоторыхъ хорошихъ учениковъ», сказалъ Гете; «мнѣ же самому это все равно, потому что моя теорія цвѣтовъ

¹⁾ Эти слова не слѣдуетъ толковать такъ, что будто Гете совѣтуетъ скрывать истину; онъ просто не совѣтуетъ метать бисера передъ недостойными. Впрочемъ, въ теченіе «разговоровъ», читатель имѣлъ неоднократный случай убѣдиться въ искренности и правдивости Гете. Приведемъ еще замѣчательныя слова изъ его предисловія къ *Германну и Доротей*: «Ничье имя не устрашаетъ меня; никакое ученіе не сдерживаетъ меня въ своихъ границахъ; никакія, часто жестокія, житейскія превратности не научили меня скрываться; я всегда презиралъ ненавистную маску лицемѣрія».

стара, какъ свѣтъ, и придетъ, хотя нескоро, время когда ея не стануть отрицать и отстранять».

Затѣмъ Гете сообщилъ мнѣ, что его совмѣстный съ Сорэ переводъ *Метаморфозы растений*, чѣмъ дальше, тѣмъ идетъ удачнѣе. «Выйдетъ любопытная книга», сказалъ онъ; «въ ней цѣлое выработано изъ самыхъ различныхъ элементовъ. Я вношу въ нее выписки изъ замѣчательныхъ молодыхъ натуралистовъ, причемъ пріятно замѣтить, что теперь въ Германіи у лучшихъ изъ нихъ образовался такой хорошій слогъ, что нельзя отличить тотъ-ли говоритъ, или другой. Книга эта приносить больше заботъ, чѣмъ я думалъ; вначалѣ я втянулся въ эту работу почти противъ воли, но тутъ проявлялось нѣчто демоническое, чему я не могъ противостоять.

— И хорошо сдѣлали, что подчинились такимъ вліяніямъ, сказалъ я; — демоническое, повидимому, столь могущественно, что въ концѣ оно все же побѣдитъ.

— Но человѣкъ, возразилъ Гете, — долженъ стараться одержать верхъ надъ демоническимъ, и въ настоящемъ случаѣ я долженъ озаботиться о томъ, чтобъ, благодаря прилежанію и труду, моя работа вышла настолько хороша, насколько позволяютъ мои силы и обстоятельства. Въ подобныхъ случаяхъ то же, что въ игрѣ, которую французы зовутъ «содилле»; въ ней много значать, какъ упадутъ кости, но многое зависитъ и отъ искусства игрока, какъ онъ разложитъ кости на доскѣ.

Я запомнилъ эти слова, какъ добрый урокъ, дабы поступать согласно съ нимъ.

Воскресенье, 20-го марта 1831.

Сегодня Гете за обѣдомъ сказалъ мнѣ, что на дняхъ перечелъ *Дафниса и Хлою*.

— Поэма такъ хороша, сказалъ онъ, — что въ наши скверныя времена нельзя сохранить въ себѣ производимаго ею впечатлѣнія и, перечитывая ее, изумляешься снова. Въ ней все освѣщено яснымъ солнечнымъ свѣтомъ, и кажется, будто видишь картины изъ Геркуланума; равно, эти картины оказываютъ обратное дѣйствіе на книгу и, при чтеніи, приходятъ на помощь фантазіи.

— Мнѣ нравится извѣстная замкнутость, выдержанная въ поэмѣ, сказалъ я. — Почти нѣтъ чуждыхъ намековъ, которые выводили бы насъ изъ счастливаго круга. Изъ боговъ дѣйствуютъ только Панъ и нимфы, другіе едва упоминаются, и ясно, что потребности пастуховъ ограничиваются этими божествами.

— И однако, не смотря на значительную замкнутость, сказалъ Гете, — предъ нами раскрывается цѣлый міръ. Мы видимъ всякаго рода пастуховъ, земледѣльцевъ, садовниковъ, виноградарей, корабельщиковъ, разбойниковъ, воиновъ и именитыхъ гражданъ, важныхъ господъ и рабовъ.

— Мы видимъ также людей на всѣхъ жизненныхъ ступеняхъ отъ рожденія до старости; равно передъ нашими глазами проходятъ различныя домашнія занятія, которыя приносятъ съ собою переменяющіяся времена года.

— А ландшафтъ! сказалъ Гете; — онъ немногими чертами обозначенъ такъ ясно, что позади дѣйствующихъ лицъ мы видимъ: вверху виноградники, нивы, плодовые сады, внизу луга съ рѣчкой и

небольшой рошей, а вдали разстилается море. И нѣтъ слѣда пасмурныхъ дней, тумана, облаковъ и сырости; всегда голубое, чистое небо, пріятный воздухъ и постоянно сухая почва, гдѣ можно лечь безъ одежды. Вся поэма, продолжалъ Гете, — свидѣтельствуешь о высокому искусствѣ и образованности. Она такъ обдумана, что въ ней нѣтъ ни одного недостающаго мотива, и всѣ они нельзя болѣе основательны, напримѣръ, кладъ, найденный на берегу моря въ гниющемъ трупѣ дельфина. И какой вкусъ, какая полнота и нѣжность чувства! ихъ можно сравнить съ лучшимъ, что только было написано. Все отвратительное, вторгающееся извнѣ въ счастливую область поэмы, какъ-то—нападеніе, грабежъ и война—всегда рассказано самымъ краткимъ образомъ и не оставляетъ почти никакого слѣда. Порокъ является вслѣдствіе вліянія горожанъ, и притомъ не въ главныхъ лицахъ, а въ аксесуарныхъ. Все это первостепенныя красоты.

— И еще, замѣтилъ я,—мнѣ очень понравилось, какъ рисуются отношенія между господами и слугами. Первые обходятся по-человѣчески, а послѣдніе, при всей наивной свободѣ, почтительны и желаютъ всемѣрно угодить своимъ господамъ. И молодой горожанинъ, котораго Дафнисъ возненавидѣлъ за предложеніе противоестественной любви,—и тотъ, когда Дафнисъ признанъ сыномъ господина, старается снова снискать его милость, отнимая у коровьихъ пастуховъ похищенную Хлою и возвращая ее ему.

— Во всемъ этомъ виденъ большой умъ, сказалъ Гете;—прекрасно также, что Хлоя до конца романа сохраняетъ невинность и любящіяся не знаютъ ничего лучшаго, какъ раздѣвшись спать

другъ подлѣ друга; все это къ тому же такъ отлично мотивировано, что при этомъ говорится о величайшихъ человѣческихъ дѣлахъ. Требуется написать цѣлую книгу, чтобъ какъ слѣдуетъ оцѣнить всѣ достоинства этой поэмы. Слѣдовало бы ее перечитывать разъ въ годъ, чтобъ поучаться изъ нея и вновь чувствовать впечатлѣнія ея большой красоты.

Понедѣльникъ, 21-го марта 1831.

Мы говорили о политикѣ, о все еще продолжающихся безпорядкахъ въ Парижѣ, и о безуміи молодежи, желающей принять участіе въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ.

«Въ Англіи», сказалъ Гете, «нѣсколько лѣтъ назадъ, при рѣшеніи католическаго вопроса, студенты также пытались оказать вліяніе при помощи петиціи, но ихъ осмѣяли и не обратили на нихъ большого вниманія.

«Примѣръ Наполеона», продолжалъ Гете, «возбудилъ эгоизмъ во французской молодежи, выросшей при этомъ героѣ, и она не раньше успокоится, пока изъ ея среды вновь не явится великій деспотъ, въ которомъ она увидитъ высшую степень того, чѣмъ желала бы быть сама. Плохо только то, что такой человѣкъ, какъ Наполеонъ, не скоро родится вновь, и я опасаюсь, что погибнетъ еще нѣсколько сотъ тысячъ людей, пока міръ успокоится.

«О литературномъ вліяніи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и думать нельзя, и теперь можно только въ тиши готовить хорошее для мирной будущности».

Затѣмъ мы вновь возвратились къ *Дафнису* и *Хлопъ*. Гете хвалилъ переводъ Куррье, какъ превос-

ходный. «Куррье хорошо сдѣлалъ», сказалъ онъ, «что уважилъ старинный переводъ Амюта и придерживался его, исправляя и очищая по мѣстамъ и перевода ближе къ подлиннику. Старинный французскій языкъ такъ наивенъ и такъ подходитъ къ сюжету, что врядъ ли можно лучше перевести эту книгу на какой нибудь другой языкъ».

Мы говорили объ оригинальныхъ сочиненіяхъ Куррье, о его небольшихъ брошюрахъ, и о его защитѣ по поводу чернильнаго пятна въ флорентійской рукописи ¹⁾.

«У Куррье большой природный талантъ», сказалъ Гете, — «у него есть черты Байрона, а также Бомарше и Дидро. Онъ, какъ Байронъ, обладаетъ въ данное время наличностью всего, что можетъ послужить ему аргументомъ; какъ Бомарше, онъ обладаетъ адвокатскою изворотливостью; какъ Дидро, онъ діалектикъ. И притомъ онъ нельзя болѣе остроуменъ. Отъ обвиненія въ чернильномъ пятнѣ ему однако, кажется, не удалось оправдаться вполнѣ; также общее его направленіе не довольно положительно, и его поэтому нельзя похвалить безусловно. Онъ въ ссорѣ съ цѣлымъ свѣтомъ, и трудно повѣрить, чтобъ у него самого не было какихъ-нибудь проступковъ и ошибокъ».

Мы говорили о различіи нѣмецкаго понятія *Geist* и французскаго *esprit*. «Французское *esprit*», сказалъ Гете, «близко подходитъ къ тому, что мы зовемъ *Witz* (остроуміе). Наше *Geist* французы, можетъ быть, переведутъ словами *esprit* и *âme*; въ

¹⁾ Въ рукописи, съ которой Куррье переводилъ греческій романъ, оказалось чернильное пятно какъ разъ на мѣстѣ недоставшаго прежде отрывка.

немъ есть понятіе о продуктивности, котораго нѣтъ во французскомъ *esprit*.

— Но у Вольтера, сказалъ я,—есть то, что мы, по нѣмецкому представленію, зовемъ *Geist*. И если французское *esprit* не достаточно, какъ же выражаются въ этомъ случаѣ французы?

— Въ такомъ особенномъ случаѣ, они скажутъ *génie*¹⁾.

— Я читаю теперь Дидро, сказалъ я,—и изумляюсь необыкновенному таланту этого человѣка. И какія знанія, и что за сила рѣчи! Точно заглядываешь въ большой движущійся міръ, гдѣ одинъ возбуждаетъ къ труду другого, и гдѣ умъ и характеръ постоянно въ такомъ упражненіи, что становятся изворотливы и сильны. Является чѣмъ-то необычайнымъ, когда подумаешь, что за люди дѣйствовали въ прошломъ вѣкѣ во французской литературѣ. Я всегда изумляюсь этому.

— Тò была метаморфоза вѣковой литературы, сказалъ Гете; — она возросла при Людовикѣ XIV и наконецъ достигла полного разцвѣта. Именно Вольтеръ возбудилъ такіе умы, какъ Дидро, д'Аламберъ, Бомарше и другіе; для того чтобъ быть чѣмъ нибудь подлѣ него, надо было запастись многимъ, и не приходилось тратить времени даромъ.

¹⁾ Французскій переводчикъ дѣлаетъ къ этому мѣсту слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Вотъ почему Мефистофель представитель того, кто говоритъ нѣтъ, самое отрицательное изъ всѣхъ существъ, очень остроуменъ (*très-spirituel*). Въ основѣ *esprit* есть нѣчто дурное. Во Франціи мы говоримъ: *il a de l'esprit, comme un démon* (умень, какъ чертъ). Наша нравственная сила, противоположная этой вѣроломной силѣ, именуется *intelligence* (разумъ, пониманіе). Дьяволъ зовется *le malin esprit* (злой духъ), Богъ же—*intelligence souveraine* (верховный разумъ).

Затѣмъ Гете говорилъ мнѣ о молодомъ іенскомъ профессорѣ восточныхъ языковъ и литературѣ, который долго жилъ въ Парижѣ и прекрасно образованъ; онъ желалъ, чтобъ я съ нимъ познакомился. Когда я уходилъ, онъ далъ мнѣ статью Шрена о имѣющихся явиться кометахъ, чтобъ я нѣсколько ознакомился и съ этимъ предметомъ.

Вторникъ, 22-го марта 1831.

За десертомъ, Гете прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ письма одного изъ своихъ молодыхъ друзей изъ Рима. Нѣкоторые нѣмецкіе художники разгуливаютъ тамъ съ длинными волосами, усами, въ старонѣмецкихъ кафтанахъ съ выложенными наружу рубашечными воротниками, съ трубками и бульдогами. Рафаэля они считаютъ слабымъ, а Тициана только хорошимъ колористомъ.

«Нибуръ былъ правъ, видя приближеніе варварства», сказалъ Гете. «Оно уже наступило, мы уже погрузились въ него; да и въ чемъ-же варварство, какъ не въ неумѣніи распознавать хорошее?»

Молодой другъ пишетъ еще о карнавалѣ, о wyborѣ новаго папы и о вспыхнувшей затѣмъ революціи. Горасъ Верне, какъ рыцарь, укрѣпился въ своемъ замкѣ; нѣкоторые нѣмецкіе художники не выходятъ изъ дому и обрѣзали бороды,—изъ чего можно заключить, что они своимъ поведеніемъ не внушили любви римлянамъ. Зашла рѣчь о томъ, имѣло ли безумство, распространившееся между молодыми нѣмецкими художниками, своимъ источникомъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, отъ которыхъ и перешло къ другимъ, какъ умственная зараза, или же это вѣяніе времени?

«Оно пошло отъ отдѣльныхъ лицъ», сказалъ Гете, «и существуетъ уже сорокъ лѣтъ. Ученіе состояло въ томъ, что художнику, дабы сравниться съ лучшими мастерами, необходимы благочестіе и геній. Такое ученіе было очень заманчиво, и за него ухватились обѣими руками. Ибо для того, чтобъ стать благочестивымъ, никакого ученія не требовалось, а собственный геній всякій получалъ отъ матери. Стоить только высказать то, что льститъ самомнѣнію и лѣни, и въ средѣ посредственностей будешь имѣть огромный успѣхъ».

Пятница, 25-го марта 1831.

Гете показалъ мнѣ щегольское зеленое кресло, которое на дняхъ купилъ на аукціонѣ.

«Но я буду имъ пользоваться мало, или же вовсе не буду», сказалъ онъ; «всякія особыя удобства рѣшительно мнѣ не по натурѣ. Въ моей комнатѣ вы не видите софы; я сижу всегда на высокомъ деревянномъ стулѣ и только нѣсколько недѣль тому назадъ придѣлалъ къ нему подпорку для головы. Обстановка съ покойной и изящной мебелью изгоняетъ у меня мысли изъ головы и повергаетъ меня въ пріятное пассивное состояніе духа. За исключеніемъ тѣхъ, кто привыкъ къ этому съ юности, великолѣпныя комнаты и элегантная мебель существуютъ для людей, у которыхъ нѣтъ да и быть не можетъ мыслей».

Воскресенье, 27-го марта 1831.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, настала великолѣпная весенняя погода; на вполнѣ голубомъ небѣ только по временамъ проплываютъ бѣлыя обла-

лачка, и такъ тепло, что можно ходить въ лѣтнемъ платьѣ.

Гете приказаль накрыть столъ въ садовой бесѣдкѣ, и мы обѣдали сегодня на вольномъ воздухѣ. Мы говорили о великой герцогинѣ, какъ она дѣйствуетъ и творить добро въ тиши, и привлекаетъ къ себѣ сердца подданныхъ.

«Великая герцогиня», сказалъ Гете, «и умна и добра, и доброжелательна; она истинное благословеніе для страны. Люди всюду скоро чувствуютъ, откуда исходятъ на нихъ благодѣянія, и они почитаютъ также солнце и другія благотворныя стихіи, а потому я и не удивляюсь, что всѣ сердца обращаются къ ней съ любовью, и что за нею признаютъ то, что она заслуживаетъ».

Я сказалъ, что началъ читать съ принцемъ *Минну фонъ-Барнелъмъ*, и что піеса кажется мнѣ превосходной. «О Лессингѣ говорили», сказалъ я, «будто онъ холодный разсудочный человѣкъ; но въ этой піесѣ я вижу столько чувства, милой естественности сердца и своеобразнаго обращенія веселаго и свѣжаго свѣтскаго человѣка, какъ только можно желать».

— Вы можете представить, сказалъ Гете, — какъ эта піеса подѣйствовала на молодыхъ людей при своемъ выходѣ, въ тѣ темныя времена. Тѣ поистинѣ былъ блестящій метеоръ. Она дала намъ почувствовать, что можетъ существовать нѣчто высшее, чѣмъ полагалось въ тогдашнее хилое литературное время. Оба первые акта дѣйствительно мастерская экспозиція, изъ которой можно было, да и теперь можно, многому научиться.

«Нынче, правда, никто ничего не знаетъ объ экспозиціи; теперь съ первой сцены требуютъ того впе-

чатлѣнія, котораго прежде ждали въ третьемъ актѣ, и никто не думаетъ, что въ поэзіи, какъ въ морскомъ плаваніи, сперва надо отчалить отъ берега и выйти въ открытое море, а потомъ уже плыть на полныхъ парусахъ».

Гете приказалъ подать превосходнаго рейнскаго вина, присланнаго ему франкфуртскими друзьями въ день его рожденія. При этомъ онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько анекдотовъ о Меркѣ, который не могъ простить великому герцогу, что тотъ однажды посредствомъ вино назвалъ превосходнымъ.

«Мы съ Меркомъ», продолжалъ Гете, «были какъ Фаустъ и Мефистофель. Такъ, онъ издѣвался надъ письмомъ моего отца изъ Италіи, гдѣ тотъ жаловался на отсутствіе удобствъ, непривычный столъ, густое вино и москитовъ; онъ не могъ простить, что тотъ, въ такой великолѣпной странѣ, при такихъ чудныхъ окрестностяхъ, могъ беспокоиться о такихъ мелочахъ, какъ ѣда, питье и мухи.

«Эта насмѣшливость у Мерка несомнѣнно была слѣдствіемъ его высокаго образованія; но потому, что онъ не былъ производителемъ, а напротивъ, рѣшительно обладалъ отрицательнымъ направленіемъ, онъ и былъ всегда болѣе склоненъ къ хулѣ, чѣмъ къ похвалѣ, и невольно выискивалъ, на чемъ бы успокоить свой зудъ».

Затѣмъ мы говорили о Фогелѣ и его административныхъ талантахъ, а равно о NN и его личности. «NN», сказалъ Гете, «человѣкъ самъ по себѣ, и его нельзя сравнивать ни съ кѣмъ. Онъ одинъ былъ согласенъ со мною на счетъ безчинства свободы печати; онъ человѣкъ твердый, на него можно положиться и онъ всегда будетъ на сторонѣ законности».

Послѣ обѣда мы гуляли по саду и любовались

какъ цвѣтутъ бѣлые подснежники и желтые крокусы. Подымались и тюльпаны, и мы говорили о роскоши и дороговизнѣ этихъ голландскихъ цвѣтовъ. «Нельзя ожидать», замѣтилъ при этомъ Гете, «чтобъ теперь явился великій живописецъ цвѣтовъ; отъ него теперь потребуютъ величайшей научной точности; ботаникъ станетъ считать на картинѣ число тычинокъ, а на живописную группировку и освѣщеніе у него нѣтъ глазъ».

Понедѣльникъ, 28-го марта 1831.

Сегодня я вновь прожилъ съ Гете нѣсколько превосходныхъ часовъ.

— Я почти покончилъ съ *Метаморфозой растений*, сказалъ онъ. Мнѣ оставалось сказать о спирали и г. Марціусъ, и это уже почти готово; сегодня утромъ я опять принялся за четвертый томъ своей біографіи и набросалъ планъ того, что еще остается сдѣлать. Мнѣ въ извѣстной мѣрѣ можно позавидовать въ томъ, что мнѣ дано, въ глубокой старости, написать исторію моей юности, и притомъ исторію эпохи, которая весьма замѣчательна во многихъ отношеніяхъ».

— Въ изображеніи вашей любви къ Лили, сказалъ я,—вовсе не чувствуется, что ваша юность прошла; скорѣй эти сцены сохранили дыханіе былыхъ лѣтъ.

— Это зависитъ отъ того, отвѣчалъ Гете,—что такіа сцены поэтичны, и недостающее чувство юношеской любви возмѣщается силой поэзіи.

Затѣмъ мы вспомнили о любопытномъ мѣстѣ, гдѣ Гете говоритъ о своей сестрѣ.

— Эту главу, сказалъ онъ,—съ интересомъ прочтутъ образованныя женщины; многія изъ нихъ по-

ходятъ на мою сестру въ томъ, что при замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, онѣ не знаютъ счастья красоты.

— То обстоятельство, сказалъ я,—что у нея, въ ожиданіи празднествъ и баловъ, являлась сыпь на лицѣ, до того странно, что его можно приписать демоническому вліянію.

— Она была удивительное существо, сказалъ Гете,—нравственно она стояла весьма высоко, и въ ней не было и слѣда чувственности. Мысль отдаться мужчинѣ была для нея отвратительна, и легко представить, что въ замужествѣ, благодаря этой особенности, ей предстояло много непріятныхъ часовъ. Женщины, имѣющія такое же отвращеніе, а равно тѣ, кто не любитъ своихъ мужей, поймутъ, что это значитъ. Я поэтому не могъ представить себѣ сестры замужемъ; скорѣй она была бы на мѣстѣ абатессой какого нибудь монастыря. И хотя она вышла за такого отличнаго человѣка, она не была счастлива въ замужествѣ; поэтому она такъ страстно противилась моему намѣренію жениться на Лили.

Вторникъ, 29-го марта 1831.

Мы сегодня говорили о Меркѣ, и Гете снова разсказалъ нѣсколько характерныхъ случаевъ.

«Покойный великій герцогъ», сказалъ онъ, «былъ очень благосклоненъ къ Мерку, и однажды поручился за него въ долгъ въ четыре тысячи талеровъ. Вскорѣ однако Меркъ, къ нашему удивленію, отказался отъ поручительства. Его обстоятельства нисколько не улучшились, и такое самоотреченіе было не понятно. Когда мы съ нимъ встрѣтились, то онъ разрѣшилъ загадку слѣдующими словами: — Герцогъ, сказалъ онъ, — превосходный и щедрый го-

сударь, довѣрчивый и помогающій людямъ, когда это возможно. Вотъ я и подумалъ: если ты обманешь въ деньгахъ такого государя, то это будетъ вредно для тысячи другихъ; онъ лишится своей драгоценной довѣрчивости, и оттого, что случился одинъ негодай, пострадаетъ множество добрыхъ людей. Чтò-жь я сдѣлалъ? Я пустился на спекуляцію и занялъ деньги у мошенника. Если я его надую, то это ничего не значитъ; но, еслибъ я надулъ добраго государя, то было бы скверно».

Мы посмѣялись надъ большою странностью этого человѣка.

«У Мерка», продолжалъ Гете, «была та особенность, что онъ уснащалъ рѣчь звуками: *he! he!* Эта привычка укоренилась съ годами, и наконецъ стала похожа на собачій лай. Онъ подъ конецъ, вслѣдствіе своихъ спекуляцій, впалъ въ глубокую ипохондрію, и кончилъ тѣмъ что застрѣлился. Онъ воображалъ, что обанкротится; оказалось однако, что дѣла его не были такъ плохи, какъ онъ думалъ».

Среда, 30-го марта 1831.

Мы снова говорили о демоническомъ.

«Оно охотно набрасывается на замѣчательныхъ людей», сказалъ Гете, «любитъ оно также нѣсколько темныя времена. Въ такомъ явно прозаическомъ городѣ, какъ Берлинъ, ему почти нѣтъ случая обнаружиться».

Гете выразилъ то, что я самъ думалъ нѣсколько дней назадъ; мнѣ это было пріятно, и я порадовался, что наши мысли такъ согласуются. Вчера и сегодня я читалъ третій томъ его біографіи, при чемъ со мною случилось то, что бываетъ, когда читаешь книгу на иностранномъ языкѣ; послѣ сдѣ-

ланныхъ успѣховъ, пересчитываешь вновь, и то, что прежде казалось будто и понимаешь, только теперь выясняется въ малѣйшихъ подробностяхъ и отгѣнкахъ.

— Ваша біографія такая книга, сказалъ я,—изъ которой ясно видно, какъ мы ушли впередъ въ дѣлѣ образованія.

— Она результатъ моей жизни, сказалъ Гете,—разсказъ объ отдѣльныхъ фактахъ служить только для утвержденія общихъ наблюденій и высшей правды.

— Что вы, между прочимъ, говорите о Базедовѣ мнѣ показалось имѣющимъ большое значеніе; именно, что онъ побуждалъ людей къ достиженію высшихъ цѣлей и могъ бы заслужить ихъ благодарность, но не подумалъ о томъ, что испортитъ все, высказывая безо всякаго стѣсненія свои отталкивающія религіозные взгляды и заподозривая то, къ чему люди относятся съ любовью.

— Мнѣ думалось, что въ книгу включены нѣкоторые символы человѣческой жизни, сказалъ Гете.— Я назвалъ книгу *Правда и поэзія*, потому что она, при помощи высшихъ тенденцій, возвышается надъ областью низкой дѣйствительности. По духу противорѣчія, Жанъ Поль назвалъ свою біографію *Правда*. Какъ будто правда изъ жизни такого человѣка могла сказать что либо, кромѣ того, что авторъ былъ филистеромъ! Но нѣмцы не легко понимаютъ, встрѣчая что нибудь необычное, и высокое часто проходитъ мимо ихъ, не будучи замѣчено; фактъ изъ нашей жизни имѣетъ цѣну не постольку, поскольку онъ справедливъ, а поскольку онъ значителенъ».

* Среда, 31-го марта 1831.

Гете въ послѣднее время опять очень нездоровилось, такъ что къ нему пускали только самыхъ близкихъ друзей. Нѣсколько недѣль назадъ ему было прописано кровопусканіе; но появились тягость и боль въ правой ногѣ, и наконецъ внутренняя болѣзнь выразилась раной, и вслѣдъ затѣмъ послѣдовало скорое улучшеніе. Нѣсколько дней, какъ рана совершенно закрылась, и онъ опять веселъ и милъ, какъ былъ прежде.

Вчера великая герцогиня посѣтила его, и возвратилась очень довольная визитомъ. Она спросила его о здоровьи, и онъ весьма галантно отвѣчалъ, что до сегодня онъ еще чувствовалъ нездоровье, но что ея присутствіе заставило его снова почувствовать счастье отъ возвратившагося здоровья.

Четвергъ, 31-го марта 1831.

Обѣдалъ у принца съ Сорэ и Мейеромъ. Мы говорили о литературѣ, и Мейеръ разсказалъ о своей первой встрѣчѣ съ Шиллеромъ.

«Я гулялъ съ Гете въ такъ-называемомъ парадизѣ близъ Іены», сказалъ онъ; «намъ встрѣтился Шиллеръ, и я въ первый разъ говорилъ съ нимъ. Онъ еще тогда не кончилъ своего *Донъ Карлоса*; онъ только что воротился изъ Швабіи, и казался очень больнымъ и съ разстроенными нервами. Его лицо напоминало обрѣвъ Распятаго. Гете думалъ, что ему жить не больше двухъ недѣль; но, когда его дѣла поправились, то и онъ оправился и написалъ свои замѣчательныя вещи».

Пятница, 1-го апрѣля 1831.

Обѣдалъ у Гете; разнообразный разговоръ. Онъ показалъ мнѣ акварель г. фонъ-Рейтерна, изображающую молодого крестьянина; онъ стоитъ передъ продавщицей корзинокъ и плетенокъ, на базарѣ въ маленькомъ городкѣ. Молодой человѣкъ разсматриваетъ корзины; двѣ женщины, сидя, и здоровая дѣвушка, стоя, съ удовольствіемъ смотрятъ на красиваго молодца.

— Акварельная живопись въ этой картинѣ, сказалъ Гете, — стоитъ на весьма высокой ступени. Простодушные люди увѣряютъ, что г. фонъ-Рейтернъ никому не обязанъ въ искусствѣ, а все у него свое. Точно человѣкъ самъ по себѣ дойдетъ до чего нибудь, кромѣ глупости и неловкости. Если у этого художника и не было учителя, на котораго можно указать, то онъ имѣлъ сношенія съ хорошими мастерами, и учился и у нихъ, и у великихъ предшественниковъ, и у природы, которая всюду на лицо. Природа дала ему настоящій талантъ, а искусство вмѣстѣ съ природой научило его. Онъ превосходенъ, и во многихъ вещахъ единствененъ, но нельзя сказать, что у него все отъ себя. Только про совсѣмъ сумасшедшаго и плохого художника можно сказать, что у него все отъ себя, — но про хорошаго нельзя.

Затѣмъ Гете показалъ мнѣ богатый, сдѣланный золотомъ и яркими красками рисунокъ того же художника, изображающій рамку, въ срединѣ коей оставлено пустое мѣсто. На верху нарисовано зданіе въ готическомъ стилѣ; по обѣимъ сторонамъ разнообразныя арабески, между которыми вставлены

ландшафты и сцены изъ семейной жизни; внизу лѣсокъ со свѣжей зеленью и муравой.

— Г. фонъ-Рейтернъ, сказалъ Гете,— желаетъ, чтобъ я написалъ ему что нибудь въ оставленномъ пустомъ мѣстѣ; но рамка такъ великолѣпна и художественна, что я боюсь испортить картину своимъ почеркомъ. Я написалъ уже стихи, но думаю не лучше ли дать ихъ вписать каллиграфу, а самъ я только подпишу. Что вы скажете, и что посоветуете?

— Будь я на мѣстѣ г. фонъ-Рейтерна, отвѣчалъ я,— я чувствовалъ бы себя несчастнымъ, если бъ стихи были вписаны не вашей, а чужой рукой. Художникъ обнаружилъ искусство въ рамкѣ, въ почеркѣ же его не требуется; необходимо только, чтобъ почеркъ былъ настоящій, чтобъ онъ былъ вашъ. Затѣмъ я совѣтую вамъ написать не латинскими, а нѣмецкими буквами, потому что вашъ нѣмецкій почеркъ характернѣе и, сверхъ того, онъ лучше подойдетъ къ готической рамкѣ.

— Вы, пожалуй, правы, отвѣчалъ Гете,— и, наконецъ, такъ поступить проще. Быть можетъ, надняхъ выдастся такая минута, что я и отважусь на это. Но если, прибавилъ онъ смѣясь,— я испорчу хорошую картинку кляксомъ, то вы будете виноваты.

— Только напишите сами, сказалъ я,— и будетъ хорошо.

Вторникъ, 5-го апрѣля 1831.

Въ полдень у Гете.

«Въ искусствѣ», сказалъ Гете, «не легко найти такой пріятный талантъ, какъ у Нейрейтера¹⁾. Ху-

¹⁾ Этотъ художникъ сталъ извѣстенъ иллюстраціями къ нѣмецкимъ поэтамъ, особенно къ сочиненіямъ Гете.

дожники рѣдко ограничиваются тѣмъ, что имъ по силамъ; большинство хочетъ дѣлать болѣе, чѣмъ можетъ, и часто выходитъ изъ предѣловъ даннаго ему отъ природы таланта. О Нейрейтерѣ можно однако сказать, что онъ стоитъ *выше* своего таланта. Ему доступны предметы изъ всѣхъ царствъ природы; онъ также хорошо рисуетъ лошины, скалы и деревья, какъ животныхъ и людей; онъ обладаетъ въ высокой степени изобрѣтеніемъ, искусствомъ и вкусомъ, и когда онъ въ извѣстной мѣрѣ все это расточаетъ въ легкихъ виньеткахъ, то кажется будто онъ играетъ своими способностями, и зритель испытываетъ удовольствіе, вродѣ того какое испытываешь, видя спокойное и свободное пользованіе большимъ состояніемъ. Въ гравюрахъ никто не достигалъ такой высоты, какъ онъ, и даже великій талантъ Альбрехта Дюрера былъ для него скорѣе возбудителемъ, чѣмъ образцомъ. Я пошлю экземпляръ рисунковъ Нейрейтера въ Шотландію моему другу, г. Карлейлю, и надѣюсь, что для него онъ не будетъ непріятнымъ подаркомъ».

* Среда, 14-го апрѣля 1831.

Вечеромъ у принца. Одинъ старикъ разсказалъ намъ слѣдующій характерный случай про Гете.

«Я былъ свидѣтелемъ», говорилъ онъ, «какъ Гете въ 1784 г. держалъ свою извѣстную рѣчь при торжественномъ открытіи Ильменаускихъ рудниковъ; были приглашены всѣ чиновники и всѣ заинтересованные въ дѣлѣ лица, изъ города и окрестностей. Рѣчь у него, по видимому, хорошо сложилась въ головѣ, потому что долгое время онъ говорилъ безъ запинки и вполне плавно. Но вдругъ его точно оста-

вилъ его добрый духъ, нить мыслей точно прервалась, и онъ, казалось, совершенно забылъ все послѣдующее. Всякаго другого это привело бы въ большое смущеніе, но его ничуть. Онъ не менѣе десяти минутъ спокойно и твердо глядѣлъ на кружокъ своихъ многочисленныхъ слушателей, которые точно были очарованы могуществомъ его личности, и всѣ остались спокойны въ продолженіе этого черезчуръ длиннаго, до смѣшнаго, перерыва. Наконецъ, онъ вновь овладѣлъ своимъ предметомъ, продолжалъ рѣчь, и довелъ до конца безъ запинки, и притомъ такъ свободно и весело, какъ будто ничего не случилось»¹⁾).

Понедѣльникъ, 2-го мая.

Сегодня за десертомъ, Гете порадовалъ меня, сказавъ, что надняхъ ему удалось почти что кончить недостававшее начало пятаго акта *Фауста*.

«И эти сцены задуманы свыше тридцати лѣтъ назадъ», сказалъ онъ. «Замыселъ былъ настолько значителенъ, что я не потерялъ къ нему интереса; но исполненіе настолько трудно, что я побаивался. При помощи разныхъ хитростей, я снова наладилъ себя и, если счастье мнѣ не измѣнитъ, то я напишу теперь весь четвертый актъ подъ рядъ».

¹⁾ Случай сомнительный, особенно если принять во вниманіе долготу перерыва. Впрочемъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, секунда кажется чуть не за минуту. Мы нерѣдко читаемъ о томъ, какъ актеръ, или пѣвецъ были встрѣчены рукоплесканіями, длившимися пять, десять минутъ, даже четверть часа. И. О. Горбуновъ, дѣлавшій наблюденія съ часами въ рукахъ, говорилъ намъ, что подобныя ованіи не длятся и трехъ минутъ. Такъ-то долго иногда тянется время! Что касается случая съ Гете, то Фохтъ, присутствовавшій на торжествѣ, не помнитъ, чтобы произошло что либо подобное.

Д. А.

Гете затѣмъ заговорилъ объ одномъ извѣстномъ писателѣ.

«Для его таланта», сказалъ онъ, «партіиная ненависть служить союзникомъ, и безъ нея онъ не производилъ бы никакого впечатлѣнія. Въ литературѣ часто встрѣчаются примѣры того, какъ ненависть замѣняетъ геній, и ограниченные таланты кажутся значительными, выступая органомъ какой либо партіи. Точно также въ жизни встрѣчается пропасть лицъ, у которыхъ не достаетъ характера стоять одиноко; они также приписываются къ партіи, и чувствуютъ себя крѣпче, и изображаютъ изъ себя фигуру. Беранже, напротивъ, талантъ, довлѣющій самому себѣ. Поэтому онъ никогда не служилъ партіи. Онъ чувствуетъ въ себѣ достаточное удовлетвореніе, и свѣтъ ничего не можетъ ни придать ему, ни отнять отъ него».

Вторникъ, 15-го мая 1831.

Обѣдали вдвоемъ съ Гете въ его кабинетѣ. После веселаго разговора о различныхъ вещахъ, заговорилъ онъ наконецъ о своихъ личныхъ обстоятельствахъ, причемъ всталъ и взялъ съ конторки бумагу.

«Кто прожилъ, какъ я, за восемьдесятъ», сказалъ онъ, «у того почти нѣтъ права жить; онъ долженъ ежедневно думать, что можетъ быть отозванъ, и думать о томъ, какъ устроить семью. Я недавно уже сообщилъ вамъ, что назначилъ васъ издателемъ моего литературнаго наслѣдства, и сегодня написалъ небольшую бумагу, въ родѣ контракта, которую вамъ слѣдуетъ подписать вмѣстѣ со мною».

«Я подписалъ, и мы продолжали говорить объ этомъ дѣлѣ.

— Можетъ случиться, сказалъ Гете,—что издатель не захочетъ печатать свѣше извѣстнаго числа листовъ, а потому придется отложить кое что изъ собраннаго матеріала. Въ такомъ случаѣ вы можете выпустить полемическую часть *Теоріи цвѣтовъ*. Мое собственное ученіе содержится въ теоретической части, а историческая часть и безъ того есть полемика, потому что въ ней излагаются главные ошибки Ньютонова ученія. Я никоимъ образомъ не отказываюсь отъ нѣскольکو рѣзкаго опроверженія положеній Ньютона; въ свое время они были необходимы и будутъ имѣть свое значеніе и впослѣдствіи; но въ сущности все полемическое противно моей собственной природѣ, и не доставляетъ мнѣ удовольствія.

Второй пунктъ, о которомъ мы говорили, относился къ изреченіямъ и мыслямъ, напечатаннымъ въ концѣ второй и третьей части *Годовъ странствія*.

Начавъ исправлять и дополнять этотъ романъ, напечатанный первоначально въ одномъ томѣ, Гете имѣлъ намѣреніе издать его въ двухъ томахъ, какъ то и сказано въ объявленіи о новомъ полномъ изданіи сочиненій. Но во время работы рукопись разрослась сверхъ ожиданія; при этомъ переписчикъ писалъ нѣсколько разгонисто, и Гете обманулся и подумалъ, что вмѣсто двухъ томовъ выйдетъ три. Рукопись, при посылкѣ издателю, и была раздѣлена на три тома. Но при печатаніи оказалось, что Гете обчелся, и что особенно два послѣдніе тома вышли очень малы. Потребовали рукописи, но въ ходѣ романа уже нечего было измѣнять и не было времени на то, чтобъ придумать, написать и вклю-

чить повѣсть, а потому Гете былъ дѣйствительно въ затрудненіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ, онъ прислалъ за мною, рассказалъ мнѣ о приключеніи и сообщилъ, что придумалъ; при этомъ онъ передалъ мнѣ двѣ связки рукописей.

«Въ обоихъ этихъ пакетахъ», сказалъ онъ, «вы найдете различныя, еще неизданныя произведенія, отдѣльныя замѣтки, конченныя и неоконченныя вещи, перемѣшанныя замѣчанія относительно естественныхъ наукъ, искусствъ, литературы и жизни. Хорошо, еслибъ вы извлекли изъ нихъ отъ шести до восьми печатныхъ листовъ, чтобъ заполнить ими пробѣлы въ *Годахъ странствія*. Говоря правду, все это къ роману не относится, но можно оправдать тѣмъ, что у Макаріи говорятъ объ архивѣ, гдѣ собраны подобныя отдѣльныя замѣтки. Мы такимъ образомъ теперь выйдемъ изъ большого затрудненія, и съ тѣмъ вмѣстѣ пустимъ въ оборотъ цѣлую массу замѣчательныхъ вещей».

Я одобрилъ предложеніе, тотчасъ же принялся за работу и окончилъ редактированіе замѣтокъ въ короткое время. Гете былъ очень доволенъ. Я раздѣлилъ все на два отдѣла; одинъ мы озаглавили *Изъ архива Макаріи*, а другой *Мысли путешественника*. Въ то же время Гете окончилъ два замѣчательныя стихотворенія: *Передъ черепомъ Шиллера* и *Kein Wesen kann zu nichts zerfallen* (ни одно существо не можетъ распасться въ ничто). Онъ пожелалъ обнародовать и эти стихи, и мы помѣстили ихъ въ концѣ обоихъ отдѣловъ.

Когда вышли *Годы странствія*, никто въ нихъ не могъ разобраться. Ходъ романа прерывался множественномъ загадочныхъ изреченій, за разгадкой кото-

рыхъ надо было обращаться къ спеціалистамъ, то есть художникамъ, натуралистамъ и литераторамъ; читатели, и особенно читательницы, были просто смущены. Оба стихотворенія были также мало поняты, и трудно было догадаться, почему они тутъ очутились. Гете смѣлся.

«Такъ ужъ оно случилось», сказалъ сегодня Гете, «но слѣдуетъ это исправить, и вы, при изданіи моего наслѣдства, помѣстите эти отдѣльныя замѣтки куда слѣдуетъ, такъ, чтобъ при новомъ изданіи моихъ сочиненій они явились на своихъ мѣстахъ, а *Годы странствія*, какъ и было сперва рѣшено, пусть будутъ изданы въ двухъ томахъ, безъ замѣтокъ и обоихъ стихотвореній».

Среда, 25-го мая 1831.

Мы заговорили о *Валентейновомъ лагерѣ*. Именно, я часто слышалъ, что Гете принималъ участіе въ сочиненіи этой пьесы, и что ему особенно принадлежитъ проповѣдь капуцина. Сегодня за обѣдомъ я спросилъ его объ этомъ.

«Въ сущности», сказалъ онъ, «все работа Шиллера. Но мы были такъ близки, что Шиллеръ не только сообщилъ мнѣ планъ, и мы говорили о немъ, но также читалъ и пьесу по мѣрѣ того, какъ она писалась, и я дѣлалъ замѣчанія и онъ ими пользовался; поэтому и я принималъ въ ней нѣкоторое участіе. Для проповѣди я послалъ ему *Слова Авраама при церкви Св. Клары*, откуда онъ и составилъ съ большимъ остроуміемъ свою проповѣдь».

«Я не помню, какія отдѣльныя мѣста принадлежатъ мнѣ, кромѣ двухъ стиховъ:

Ротный—зарѣзали бѣднаго черти—

Пару костей подарилъ мнѣ при смерти¹⁾».

¹⁾ По переводу Мея.

«Я хотѣлъ мотивировать, какъ достались крестьянину кости, и вписалъ собственноручно эти стихи въ рукопись. Шиллеръ объ этомъ не думалъ; онъ просто, по своей манерѣ, наградилъ крестьянина костями, не спрашивая, откуда онѣ взялись у него. Я уже говорилъ о томъ, что заботливая мотивировка была не его дѣломъ; отчего, можетъ быть, его пьесы и производятъ такое впечатлѣніе со сцены».

Воскресенье, 29-го мая 1831.

Гете рассказывалъ мнѣ о мальчикѣ, который, совершивъ небольшой проступокъ, не могъ утѣшиться.

«Мнѣ это не понравилось», сказалъ онъ; «это указываетъ на безчуждую совѣсть, которая такъ высоко цѣнитъ свое собственное нравственное я, что ничего не можетъ простить ему. Люди съ такой совѣстью становятся ипохондриками, если она не уравновѣшивается большою дѣятельностью».

Мнѣ надняхъ принесли гнѣздо съ молодыми малиновками, и матку, пойманную на клей. Мнѣ пришлось подивиться, что она не только продолжала кормить дѣтенышей въ комнатѣ, но, когда ее выпустили въ окно, то снова воротилась къ нимъ. Такая родительская любовь, превозмогающая и опасность, и плѣтъ, тронула меня до сердца, и сегодня я рассказалъ объ этомъ Гете.

«Глупый вы человекъ», сказалъ онъ, улыбаясь многозначительно, «еслибъ вы вѣрили въ Бога, то не удивлялись бы».

«Онъ приводитъ въ движеніе міръ; природа въ немъ, и онъ въ природѣ; ничто что живетъ, движется и существуетъ о немъ, не лишено ни его силы, ни его духа».

«Если бъ Богъ не одушевлялъ птицы этимъ всемогущимъ влеченіемъ къ ея дѣтенышамъ, если бъ подобное стремленіе не проникало всего живого во всей природѣ, то и міръ не могъ бы существовать. Всюду распространена божественная сила, и всюду дѣйствуетъ вѣчная любовь».

Подобное же замѣчаніе сдѣлалъ Гете надняхъ, получивъ въ подарокъ отъ молодого скульптора копію коровы Мирона съ сосущимъ ее теленкомъ. «Вотъ», сказалъ онъ, «одинъ изъ высочайшихъ сюжетовъ; въ прекрасномъ образѣ тутъ является передъ нашими глазами охраняющій міръ и проникающій всю природу принципъ вскармливанья. Такіе и подобные образы я называю символами вездѣшности божіей».

Понедѣльникъ, 6-го іюня 1831.

Гете показалъ мнѣ сегодня недостававшее доселѣ начало пятаго акта *Фауста*. Я прочелъ до того мѣста, гдѣ сожжена хижина Филемона и Бавкиды, и Фаустъ ночью, стоя на балконѣ своего дворца, слышитъ запахъ дыма, который дотянуло до него легкимъ вѣтромъ.

— Имена Филемона и Бавкиды, сказалъ я,—переносятъ меня на фригійскіе берега, и заставляютъ вспомнить о знаменитой древней четѣ, а дѣйствіе, между тѣмъ, происходитъ въ новое время и въ христіанской обстановкѣ.

— Мои Филемонъ и Бавкида, отвѣчалъ Гете,—не имѣютъ ничего общаго съ знаменитой супружеской четой древности, ни со связаннымъ съ нею сказаніемъ. Я далъ своей парѣ эти имена только для того, чтобъ возвысить ихъ характеры. Лица и

положенія подобны, а потому имъ удобно дѣйствовать подъ тѣми же именами.

Мы затѣмъ говорили о Фаустѣ, о томъ, что главная черта его характера, недовольство, не исчезла у него и въ старости, и что при обладаніи всѣми сокровищами міра, въ новомъ, имъ самимъ созданномъ государствѣ, онъ стѣсненъ тѣмъ, что паралипъ, хижина и колоколъ принадлежатъ не ему. Онъ въ этомъ походитъ на израильскаго царя Ахава, которому казалось, что у него ничего нѣтъ, пока онъ не овладѣетъ вертоградомъ Навуея.

«Фаусту, какимъ онъ является въ пятомъ актѣ», замѣтилъ потомъ Гете, «по моему мнѣнію, должно быть ровно сто лѣтъ, и я не знаю, не слѣдуетъ ли выразить этого опредѣленно».

Мы затѣмъ говорили о развязкѣ, и Гете обратилъ мое вниманіе на слѣдующіе стихи:

Духъ благородный и прямой
Избѣгъ порабощенья;
Кто, вѣкъ трудясь, жилъ душой,—
Тотъ стоитъ искупленья.
Въ немъ свыше и Любовь сама
Участье принимаетъ;
Его и силъ блаженныхъ тѣмъ
Привѣтливо встрѣчаетъ.

«Въ этихъ стихахъ», сказалъ Гете, «содержится ключъ къ спасенію Фауста: въ самомъ Фаустѣ до конца обнаруживается все болѣе высокая и чистая дѣятельность, и ему свыше приходитъ на помощь вѣчная любовь. Все это находится въ полной гармоніи съ нашими религіозными воззрѣніями, по которымъ мы спасаемся не только своей собственной силой, но и снисходящею до насъ божественною милостью. Вы, конечно, согласитесь, что заключеніе, гдѣ спасенная душа восходитъ горѣ, было очень

трудно написать, и я въ такихъ свѣрхчувственныхъ, почти неподдающихся предчувствію вещахъ легко бы могъ затеряться въ неопредѣленности, если бѣ рѣзко очерченные церковно-христіанскіе образы и представленія не придали моимъ поэтическимъ намѣреніямъ благодѣтельно-опредѣленныхъ формы и твердости».

Въ теченіе слѣдующихъ недѣль Гете окончилъ четвертый актъ, и въ августѣ вся вторая часть была сброшюрована и готова. Гете былъ чрезмѣрно счастливъ, видя, что достигъ наконецъ цѣли, къ которой стремился такъ долго. «На остальную жизнь», сказалъ онъ, «я теперь могу смотрѣть, какъ на простой подарокъ, и мнѣ теперь въ сущности все равно, напишу ли я еще что нибудь и что именно».

Воскресенье, 20-го іюня 1831.

Сегодня я зашелъ на полъ часика къ Гете, котораго засталъ еще за обѣдомъ.

Мы говорили о нѣкоторыхъ естественно-историческихъ предметахъ, и особенно о неполнотѣ и недостаточности языка, вслѣдствіе чего распространяются ошибки и ложныя воззрѣнія, которыя потомъ не легко побороть.

— Вещь собственно простая, сказалъ Гете.— Всѣ языки возникли изъ окружающихъ человѣка потребностей, его занятій и вообще изъ человѣческихъ ощущеній и воззрѣній. Когда великій человѣкъ, при познаніи таинственныхъ дѣяній и законовъ природы, достигаетъ до предчувствія, то языкъ, составившійся до него, не позволяетъ ему выразить этого нѣчто, лежащаго внѣ человѣческихъ обстоятельствъ. Чтобъ выразить точно свое наблюденіе, ему требуется языкъ духовъ. Но, не обладая имъ, онъ

обреченъ, при изложеніи своихъ воззрѣній на необычныя отношенія въ природѣ, выражать ихъ чело-вѣческими словами, которыя почти всегда оказываются недостаточными; такимъ образомъ онъ искажаетъ свое воззрѣніе, видоизмѣняетъ его и даже совершенно уничтожаетъ.

— Если такъ говорите вы, замѣтилъ я,—вы, который придаете всякому предмету надлежащій образъ и, будучи врагомъ фразы, умѣете находить для своихъ высокихъ умозрѣній самыя образныя выраженія,—то на это нельзя не обратить вниманія. Я думалъ однако, что мы, нѣмцы, можемъ быть вообще довольны своимъ языкомъ. Онъ чрезвычайно богатъ, разработанъ и способенъ къ дальнѣйшему совершенствованію; если мы и принуждены прибѣгать къ метафорамъ, то все же можемъ довольно близко выразить то, что хотимъ. Французамъ въ этомъ отношеніе хуже нашего. У нихъ для выраженія высшихъ воззрѣній на природу обыкновенно употребляются метафорическія выраженія, взятые изъ техники, чѣмъ имъ придается совершенно несоотвѣтствующій матерьяльный и пошлый смыслъ.

— Правду вашихъ словъ, замѣтилъ Гете,—мнѣ пришлось испытать недавно при спорѣ Кюве и Жоффруа де Сентъ-Илера. Жоффруа де Сентъ-Илеръ дѣйствительно глубоко прозрѣваетъ духовныя дѣянія и распорядокъ природы; но французскій языкъ, поскольку онъ принужденъ пользоваться вошедшими въ обиходъ выраженіями, не позволяетъ ему выразить своей мысли¹⁾. И не только когда

¹⁾ Французскій переводчикъ, въ защиту своего языка, приводитъ слѣдующія слова Жоржъ-Зандъ: «Есть несчастные геніи, которымъ недостаетъ выраженія.... и они уносятъ въ мо-

рѣчь идетъ о духовно-таинственныхъ, но и о вполне видимыхъ, чисто физическихъ предметахъ и отношеніяхъ. Для выраженія отдѣльныхъ частей органическаго существа не имѣется другого слова, кромѣ *matériaux* (матеріалы), причемъ одно и то же слово служить для обозначенія костей, которыя являются однородными частями въ организациі руки, и камней, балокъ и досокъ, изъ коихъ строится домъ. Точно также, говоря о произведеніяхъ природы, французы вполне несоотвѣтственно пользуются выраженіемъ *composition*. Можно его употреблять, когда рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ, сдѣланныхъ поштучно и прилаженныхъ другъ къ другу частяхъ машины, но не тогда, когда мыслится объ отдѣльныхъ животворящихся, проникнутыхъ одною душою частяхъ органическаго цѣлаго.

— Мнѣ кажется, сказалъ я,—что слово *composition* (композиція) неумѣстно и негодно также, когда говорится о произведеніяхъ искусства и поэзіи.

— Да, это низменное слово, за которое мы должны поблагодарить французовъ, отвѣчалъ Гете,—и мы должны какъ можно скорѣе избавиться отъ него. Какъ можно говорить, что Моцартъ *скомпоновалъ* своего *Донъ-Жуана*! *Композиція* — точно это пирожное или бисквитъ, которые сбиваютъ изъ яицъ, муки и сахара. Вѣдь это духовное созданіе; въ немъ, какъ части, такъ цѣлое проникнуто *однимъ* духомъ и порывомъ, дыханіемъ *одной* жизни; при этомъ, произведеніе никоимъ образомъ не можетъ быть придумано и составлено изъ кусковъ, сдѣлано

гилу неизвѣстное своихъ созерцаній, какъ говорилъ одинъ изъ членовъ этой многочисленной семьи нѣмыхъ, или зайкъ, — Жоффруа Сентъ-Илеръ».

по произволу: при его созданіи имъ владѣлъ демоническій духъ его генія и онъ дѣлалъ то, что тотъ ему повелѣвалъ.

* Воскресенье, 27-го іюня 1831.

Мы говорили о Викторѣ Гюго. «У него прекрасный талантъ», сказалъ Гете, «но онъ вполне подчиненъ несчастному романтическому вѣянію своего времени, отчего рядомъ съ прекраснымъ изображаетъ вещи самыя невыносимыя и самыя отвратительныя. Я читалъ надняхъ его *Notre-Dame de Paris* и мнѣ пришлось вооружиться немалымъ терпѣніемъ, чтобъ превозмочь тѣ мученія, которыя мнѣ причиняла эта книга. Это самая отвратительная книга, какая когда либо была написана. И за пытки, которыя вамъ приходится выносить, вы ни разу не вознаграждены радостью, которую испытываешь, видя правдивое изображеніе человѣческой природы и человѣческаго характера. Напротивъ, въ его книгѣ нѣтъ ни слѣда натуры, ни слѣда правды. Введенныя имъ такъ называемыя дѣйствующія лица вовсе не люди съ живою плотью и кровью, а несчастныя деревянныя куклы, съ которыми онъ обходится какъ вздумаетъ, заставляя ихъ выдѣлывать всяческія кривлянья и гримасы, необходимыя ему для придуманныхъ эффектовъ. Но что же это за время, когда не только возможно появленіе такой книги, которое не только ее вызываетъ, но считаетъ ее переносной и находитъ въ ней удовольствіе¹⁾».

¹⁾ На слѣдующій день, 28-го іюня, Гете по тому же поводу писалъ слѣдующее Цельтеру: «О новыхъ французскихъ романахъ и о всемъ, что я читалъ въ этомъ родѣ, я скажу одно: *это литература отчаянія*, откуда мало по малу исчезаетъ всякая правда, всякое эстетическое чувство. *Notre-Dame de Paris*

* Среда, 14-го іюля 1831.

Я вмѣстѣ съ принцемъ сопровождалъ къ Гете его величество короля виртембергскаго. На обратномъ пути, король былъ весьма доволенъ, и поручилъ мнѣ поблагодарить Гете за удовольствіе, которое ему доставило это посѣщеніе.

* Пятница, 15-го іюля 1831.

На минутку у Гете, которому передалъ вчерашнее порученіе короля. Гете занимается изученіемъ спиральной тенденціи растеній; онъ того мнѣнія, что это новое открытіе поведетъ далеко и окажетъ на

В. Гюго поражаетъ внимательнымъ изученіемъ мѣстности, нравовъ, прошлыхъ событій и ихъ умѣлымъ пользованіемъ, но въ дѣйствующихъ лицахъ нѣтъ и тѣни жизненной правды. Мужчины и женщины безжизненные куклы; ихъ размѣры вычислены весьма ловко; но поверхъ этихъ скелетовъ изъ дерева и стали—простая шерстяная набивка; авторъ безжалостно распоряжается ими, вертитъ ихъ и поворачиваетъ, мучаетъ и сѣчетъ, рветъ въ клочья ихъ душу и тѣло, коверкаетъ ихъ и ломаетъ, нисколько не волнуясь за эти существа, по счастью лишенные жизни. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ доказательства историческаго и ораторскаго таланта, которому нельзя отказать въ живой силѣ воображенія, безъ коего онъ, впрочемъ, и не могъ бы создать подобныхъ безобразій». Нѣсколько дней спустя, обобщая свое мнѣніе, онъ писалъ графу Рейнгардту: «Для того, чтобъ въ настоящій моментъ производить эффектъ, отъ романиста требуется, чтобъ онъ рисовалъ такія картины, которыя были бы, по возможности, противоположны всему, что можетъ оказать на челоуѣка спасительное впечатлѣніе; нынѣшній читатель уловляется сценами въ этомъ родѣ. Доводить до крайности, до невозможнаго, отвратительнаго, жестокаго, низоста и весь сбродъ мерзостей—вотъ ихъ сатанинская работа. Слѣдуетъ сказать *работа*, потому что въ основѣ ихъ произведеній лежитъ внимательное изученіе старины, исчезнувшихъ нравовъ, любопытныхъ неустройствъ и не-

науки большое вліяніе. «Ничто не превосходитъ удовольствія, доставляемаго намъ изученіемъ природы», сказалъ онъ. «Ея тайны—бездонная глубина, но людямъ дозволено и дано видѣть все дальше и дальше. И именно въ томъ, что онѣ бездонны, и заключается для насъ вѣчная привлекательность приближаться къ нимъ и стремиться къ новымъ взглядамъ и новымъ открытіямъ».

* Вторникъ, 20-го іюля 1831.

Послѣ обѣда на полъ-часика у Гете; я засталъ его въ ясномъ и тихомъ расположеніи духа. Мы говорили о разныхъ вещахъ, наконецъ о Карлсбадѣ,

вѣроятныхъ событій прошлыхъ вѣковъ; такимъ образомъ, нельзя сказать, чтобъ ихъ книги были плохи и пусты; онѣ написаны съ неоспоримымъ талантомъ, людьми недоужинными и умными, но которые, въ срединѣ своего поприща, принуждены временемъ, когда живутъ, заниматься такими гадостями». (Письмо отъ 18-го іюня 1831 г.). Въ отвѣтъ Буассере, который писалъ ему: «Я считаю прямымъ посягательствомъ противъ ума чело-вѣческаго, когда прекрасный талантъ употребляется на изображеніе такихъ ужасныхъ картинъ, на возбужденіе интереса только столь низкими подробностями», Гете отвѣчалъ: «Я подпишусь подъ каждымъ словомъ вашего сужденія о *Notre-Dame de Paris*. Химики говорятъ о трехъ степеняхъ броженія: винномъ, уксусномъ и гнилономъ; современнымъ французскимъ писателямъ нравится пребывать въ семъ послѣднемъ. Какимъ образомъ виноградная кисть возродится вновь въ природной красотѣ? Какимъ образомъ вновь образуется здоровое и сильное броженіе? Не знаю. Они будутъ счастливыми, если хорошія вина, которыми они обладаютъ, не испортятся въ эту несчастную художественную эпоху». Какъ извѣстно, Пушкинъ точно также возмущался излишествами французскихъ романтиковъ; въ частности, Гюго онъ признавалъ поэтомъ талантливымъ, но только *второстепеннымъ*. У насъ слава Гюго возвысилась въ послѣднее время, причемъ, повидимому, принималось во вниманіе болѣе направленіе, чѣмъ поэтическое достоинство.

Д. А.

и онъ шутилъ надъ различными любовными приключеніями, которыя тамъ пережилъ.

«Легкая влюбленность единственная вещь, дѣлающая жизнь на водахъ сносной», сказалъ онъ, «иначе пришлось бы умереть со скуки. Но я былъ почти всякій разъ такъ счастливъ, что находилъ тамъ какое нибудь маленькое избирательное сродство, которое и забавляло меня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Особенно я вспоминаю объ одномъ случаѣ, который до сихъ поръ доставляетъ мнѣ удовольствіе. Именно, однажды я навѣстилъ г-жу фонъ-Рекъ. Послѣ неважнаго разговора, я распрощался и, уходя, встрѣтилъ даму съ двумя очень хорошенькими дѣвушками. «Кто этотъ господинъ, что сейчасъ отъ васъ вышелъ?» спросила дама.—Гете, отвѣтила г-жа фонъ-Рекъ.—«Ахъ, какъ жаль, что онъ не остался», сказала дама, «и я не имѣла счастья съ нимъ познакомиться».—«О, вы ничего не потеряли, моя милая, отвѣчала Рекъ. Онъ очень скупенъ съ дамами, и надо быть хорошенькой, чтобъ заинтересовать его. Женщинамъ нашихъ лѣтъ нечего о томъ и думать, чтобъ заставить его разговориться и быть любезнымъ». Когда обѣ дѣвушки воротились съ матерью домой, то вспомнили о словахъ г-жи фонъ-Рекъ. «Мы обѣ молоды, обѣ красивы», сказали онѣ, «попытаемся, не удастся ли намъ поймать и приручить этого знаменитаго дикаря». На слѣдующій день, во время прогулки у Шпруделя, проходя мимо, онѣ нѣсколько разъ очень граціозно и любезно раскланялись со мною, и я, когда представился случай, не могъ не подойти къ нимъ и не заговорить съ ними. Онѣ были прелестны! Я съ ними поговорилъ; онѣ подвели меня къ своей матери, и такимъ образомъ я былъ изловленъ. Съ

тѣхъ поръ мы видѣлись ежедневно, и проводили вмѣстѣ цѣлые дни. Наши отношенія стали еще ближе, когда пріѣхалъ женихъ одной изъ дѣвушекъ, и я нераздѣльно сталъ принадлежать другой. Какъ можете себѣ представить, я былъ весьма любезенъ и съ матерью. Словомъ, всѣ мы были вполнѣ довольны другъ другомъ, и я прожилъ съ этимъ семействомъ такіе счастливые дни, что доселѣ они оставили во мнѣ въ высшей степени пріятное воспоминаніе. Обѣ дѣвушки вскорѣ рассказали мнѣ о разговорѣ ихъ матери съ г-жой фонъ-Рекъ и какъ онѣ поклялись покорить меня,—что имъ и удалось».

Мнѣ вспомнился анекдотъ другого рода, рассказанный мнѣ раньше Гете.

«Разъ, подъ вечеръ», говорилъ онъ, «мы пошли съ однимъ добрымъ знакомымъ прогуляться по дворцовому саду. Вдругъ, неожиданно, въ концѣ аллеи мы увидѣли двухъ особъ нашего круга; онѣ шли и мирно разговаривали. Я не могу вамъ назвать по имени ни кавалера, ни дамы, но это къ дѣлу не относится. И такъ, они разговаривали и казалось ни о чемъ не думали, какъ вдругъ ихъ головы одновременно склонились и они поцѣловались ото всей души. Затѣмъ они пошли дальше и серьезно продолжали разговоръ, какъ будто ничего и не случилось. «Видѣли?» съ изумленіемъ вскричалъ мой другъ; «вѣрить ли глазамъ?»—Я видѣлъ, отвѣчалъ я совершенно спокойно,—но не вѣрю!»

* Понедѣльникъ, 2-го августа 1831.

Мы говорили о метаморфозѣ растений, и именно объ ученіи Декандоля о *симметріи*, которое Гете называетъ простой иллюзіей.

«Природа не отдается всякому», сказалъ онъ.

«Она скорѣе ко многимъ относится какъ проказливая дѣвушка, которая увлекаетъ насъ тысячею прелестей, но ускользаетъ у насъ изъ рукъ въ ту минуту, когда мы думаемъ ее схватить и овладѣть ею».

* Среда, 19-го октября 1831.

Сегодня въ Бельведерѣ было собраніе общества покровительства земледѣлію, а равно первая выставка плодовъ и предметовъ промышленности, которая оказалась богаче, чѣмъ ждали. Затѣмъ обѣдъ многочисленныхъ членовъ общества. Къ радостному изумленію всѣхъ присутствовавшихъ, вошелъ Гете. Онъ пробылъ нѣкоторое время, и съ видимымъ интересомъ разсматривалъ выставленные предметы. Его появленіе произвело отличное впечатлѣніе, особенно на тѣхъ, кто раньше никогда его не видѣлъ.

Четвергъ, 1-го декабря 1831.

Часокъ у Гете; разные разговоры. Затѣмъ мы заговорили о Сорэ.

«Надняхъ я прочелъ прелестное его стихотвореніе», сказалъ Гете, «и при томъ *трилогію*. Двѣ первыя части носятъ характеръ ясный и ласкающій; послѣдняя же, подъ заглавіемъ *Полночь*, — мрачный и ужасающій. Эта *Полночь* удалась ему превосходно. Въ ней есть дѣйствительно дыханіе ночи, почти какъ въ картинахъ Рембрандта, въ которыхъ, кажется, чувствуешь ночной воздухъ. Викторъ Гюго брался также за подобные сюжеты, но не такъ удачно. Въ ночныхъ изображеніяхъ этого безспорно большаго таланта никогда не бываетъ настоящей ночи; скорѣе предметы также ясны и видимы, какъ и

днемъ, и ночь какая-то выдуманная. Сорэ въ своей *Полночи* несомнѣнно превзошелъ Виктора Гюго».

Я порадовался этой хвалѣ, и рѣшилъ какъ можно скорѣе прочесть трилогію Сорэ. «Въ нашей литературѣ весьма немного трилогій», замѣтилъ я.

«Эта форма вообще рѣдко встрѣчается у новыхъ», сказалъ Гете. «Требуется найти такой сюжетъ, который естественно укладывался бы въ три отдѣла, причемъ первый являлся бы родомъ экспозиціи, второй—катастрофы, а въ третьемъ заключалось бы примиреніе. Въ моемъ стихотвореніи о пажѣ и мельничихѣ имѣются на лицо всѣ эти требованія, хотя въ то время, какъ я писалъ его, я никоимъ образомъ не думалъ о трилогіи. Мой *Парія* также полная трилогія; я и задумалъ, и обрабатывалъ эту поэму, какъ трилогію. Моя такъ называемая *Трилогія страсти*, напротивъ, первоначально не была задумана въ этой формѣ; она постепенно и въ извѣстной мѣрѣ случайно стала трилогіей. Сначала, какъ вы знаете, я написалъ *Элегию*, какъ самостоятельное стихотвореніе. Затѣмъ меня постигла Шимановская, которая то лѣто провела вмѣстѣ со мною въ Маріенбадѣ, и возбудила во мнѣ своими чарующими мелодіями отзвукъ тѣхъ юношески-блаженныхъ дней. Строфы, посвященные этому другу, по этому написаны вполнѣ въ тонѣ и размѣромъ *Элегии*, и составляютъ по отношенію къ ней какъ бы примирительное заключеніе. Затѣмъ Вейгандъ вздумалъ сдѣлать новое изданіе моего *Вертера* и просилъ у меня предисловія; это дало мнѣ прекрасный поводъ написать стихотвореніе *Къ Вертеру*. Но у меня въ сердцѣ сохранился еще остатокъ той страсти, а потому это стихотвореніе само собою вылилось, какъ вступленіе къ *Элегии*. Такимъ образомъ

оказалось, что всѣ три нынѣ поставленныя рядомъ стихотворенія проникнуты однимъ и тѣмъ же болѣзненно-любовнымъ чувствомъ, и у меня безсознательно составила *Трилогія страсти*.

«Я совѣтовалъ Сорэ писать больше трилогій, и при этомъ поступать такъ, какъ я сейчасъ разсказалъ. Не слѣдуетъ утруждать себя и для всякой трилогіи отыскивать отдѣльный сюжетъ; скорѣе ему слѣдуетъ изъ богатаго запаса своихъ неизданныхъ стихотвореній выбрать какую нибудь полную мыслей вещь и написать къ ней родъ вступленія и примирительное заключеніе, но такъ, чтобъ между всѣми тремя частями оставался видимый пробѣлъ. Такимъ образомъ легче достигнуть цѣли, и не придется чересчуръ много думать, что, какъ говоритъ Мейеръ, вещь, какъ извѣстно, трудная».

Затѣмъ мы говорили о Викторѣ Гюго и о томъ, что его чрезмѣрная плодовитость вредитъ его таланту.

«Какъ не стать хуже, какъ не разрушить прекрасный талантъ», сказалъ Гете, «написавъ, какъ онъ, въ одинъ годъ двѣ трагедіи и романъ; особенно, когда, какъ кажется, онъ работаетъ только ради того, чтобъ накопить несмѣтную сумму денегъ. Я нисколько его не осуждаю за то, что онъ хочетъ разбогатѣть, или добиться славы при жизни; но, если онъ хочетъ жить въ потомствѣ, то долженъ подумать и писать поменьше, а работать побольше».

Затѣмъ Гете перешелъ къ разбору *Маріонъ Делормъ*, и старался уяснить мнѣ, что сюжетъ даетъ матеріалъ только для одного, и притомъ вполне трагическаго акта, но что авторъ, дозволивъ второстепеннымъ мотивамъ увлечь себя, растянулъ сюжетъ на пять актовъ.

«При этомъ», прибавилъ Гете, «мы только то и выиграли, что могли убѣдиться, что у поэта есть значительная способность къ изображенію подробностей,—что, конечно, дѣло не малое и во всякомъ случаѣ чего нибудь да стоитъ».

Среда, 31-го декабря 1831.

Обѣдалъ съ Гете. Мы говорили о томъ, отчего его *Теорія цвѣтовъ* такъ мало распространена. «Она очень трудно передается», сказалъ онъ, «потому что ее, какъ вы знаете, надо не только прочесть и изучить, но надъ ней надо самому потрудиться, а это не легко. Законы поэзіи и живописи также можно передать до извѣстной степени, но для того, чтобы быть хорошимъ поэтомъ или живописцемъ требуется талантъ, котораго передать нельзя. Для того, чтобы воспринять простое первоявленіе, постигнуть его высокое значеніе, и работать на его основаніи, требуется рѣдкій продуктивный умъ, который бы могъ многое обозрѣть сразу, а это даръ, встрѣчающійся только у избранныхъ натуръ.

«Но и съ этимъ еще ничего не подѣлаешь. Даже обладая всѣми правилами и всѣмъ талантомъ живописца, можно сдѣлаться имъ только при непрестанномъ упражненіи; такъ и въ теоріи цвѣтовъ недостаточно знать важнѣйшіе законы и обладать надлежащимъ умомъ, но требуется постоянно работать надъ отдѣльными, часто весьма таинственными явленіями, и надъ ихъ отношеніями и сочетаніями.

«Такъ, напримѣръ, намъ вообще хорошо извѣстно, что зеленый цвѣтъ образуется чрезъ смѣшеніе желтаго и голубого; но для того, чтобы сказать: я понимаю

зеленый цвѣтъ радуги, или листвы, или морской волны—требуется столь всестороннее изслѣдованіе царства цвѣтовъ и проистекающая изъ него такая высота взгляда, до которой пока почти никто не достигалъ».

Послѣ объѣда мы разсматривали ландшафты Пуссена.

«Тѣ мѣста», замѣтилъ при этомъ Гете, «куда художникъ заставляетъ падать самый сильный свѣтъ, не допускаютъ детальности въ исполненіи; поэтому, самые удобные предметы для изображенія въ полномъ свѣту суть вода, скалы, голая почва и строенія. Напротивъ, тѣ вещи, которыя при рисованіи требуютъ наибольшей детальности, художникъ не можетъ помѣщать въ свѣту.

«Пейзажисту», дальше говорилъ Гете, «необходимо много знаній. Недостаточно ему имѣть понятіе въ перспективѣ, архитектурѣ и анатоміи человѣка и животныхъ, но онъ долженъ понимать нѣсколько и въ ботаникѣ и минералогіи; первая нужна ему для достодолжнаго изображенія типичныхъ особенностей деревьевъ и растений, послѣдняя для достодолжнаго изображенія характерныхъ признаковъ различныхъ горныхъ породъ. Но ему не къ чему быть специалистомъ по минералогіи, потому что ему приходится имѣть дѣло по преимуществу съ известнякомъ, глинистымъ шиферомъ и песчаникомъ, и ему требуется только знать, въ какихъ формахъ они залегаютъ, какъ распадаются при вывѣтриваніи, и какія породы деревьевъ растутъ на нихъ хорошо, и какія чахнутъ».

Затѣмъ Гете показалъ мнѣ нѣсколько пейзажей Германна фонъ-Шванefeldъ, и говорилъ объ искусствѣ и личности этого превосходнаго человѣка.

«У него болѣе чѣмъ у кого нибудь другого», сказалъ онъ, «искусство является склонностью и склонность искусствомъ. Онъ обладаетъ сердечной любовью къ природѣ и божественнымъ миромъ, который сообщается и намъ при разсматриваніи его картинъ. Онъ родился въ Нидерландахъ, учился въ Римѣ, у Клода Лоррена, и подъ его руководствомъ вполнѣ образовался и свободно развилъ свои прекрасныя особенности».

Мы затѣмъ заглянули въ художественный лексиконъ, чтобъ посмотрѣть, что тамъ говорится о Германнѣ фонъ-Шванefeldъ; тамъ его упрекали за то, что онъ остался ниже своего учителя. «Дурачье!» сказалъ Гете. «Шванefeldъ былъ вовсе не похожъ на Клода Лоррена, а потому о послѣднемъ нельзя сказать, что онъ былъ лучше. И еслибъ о нашей жизни не было ничего извѣстно, кромѣ того, что говорятъ наши біографы и составители словарей, то жизнь была бы плохимъ ремесломъ и не стоила бы никакого труда!»

* * *

Въ концѣ этого года и въ началѣ слѣдующаго Гете вполнѣ обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ естественными науками, и частію занимался, по настоянію Буассере, дальнѣйшимъ обоснованіемъ закона радуги, и особенно, изъ участія къ спору между Кювье и Сентъ-Илеромъ, предметами, относящимися къ метаморфозѣ растений и животныхъ. Также, совмѣстно со мною, онъ редактировалъ историческую часть *Теоріи цвѣтовъ*.

За это время не было недостатка въ разнообразныхъ интересныхъ бесѣдахъ, и онъ высказывалъ богатыя мыслями сужденія. Но онъ былъ передо мною полный силъ и свѣжести, и мнѣ думалось,

что оно и всегда такъ будетъ, а потому я былъ равнодушнѣе, чѣмъ слѣдовало, къ записыванію его словъ, пока наконецъ уже стало поздно записывать, и я 22-го марта 1832 г., вмѣстѣ съ тысячами благодарныхъ нѣмцевъ, принужденъ былъ оплакивать его невозвратимую потерю.

Нижеслѣдующее я вскорѣ послѣ того записалъ по близкимъ воспоминаніямъ¹⁾.

1832.

* Четвергъ, 5-го января 1832.

Отъ моего женеваго друга Тепффера пришло нѣсколько новыхъ тетрадей рисунковъ перомъ и акварелью, большею частью видовъ Швейцаріи и Италіи, которые онъ набросалъ во время своего пѣшеходнаго путешествія. Гете былъ сильно пораженъ красотой этихъ рисунковъ, особенно акварелей, и

¹⁾ Въ эту послѣднюю зиму Гете познакомился съ *de Se-nectute* Цицерона, и находилъ ее «восхитительной». Его невѣстка Оттилія каждый вечеръ читала ему Плутарха. «Теперь мнѣ все кажется историческимъ», писалъ онъ по этому поводу къ Гумбольдту; «далеки ли отъ меня событія, или очень близки—все равно; самъ я кажусь себѣ лицомъ историческимъ, и когда я подумаю, чѣмъ бы была моя жизнь въ разсказѣ, на манеръ Плутарховскихъ, то я самому себѣ кажусь смѣшнымъ».—Въ октябрѣ онъ прочелъ *Геологическіе отрывки*, Александра Гумбольдта; въ ноябрѣ *Ифигенію въ Авлидѣ*, причемъ особенно удивлялся той легкости, съ которой Еврипидъ обрабатывалъ многое множество міеологическихъ сказаній.—Онъ снова бросилъ читать газеты, «стыдясь, что потратилъ бесполезно столько времени на то, чтобъ слѣдить за осадой Мисолонги».

выразился, что ему кажется, будто онъ видитъ передъ собою произведеніе знаменитаго женевца Лори. Я замѣтилъ, что это никакъ не лучшія работы Тепффера, и что онъ могъ бы прислать мнѣ еще совсѣмъ другія вещи.

«Я не знаю, чего жъ вамъ еще требуется!» сказалъ Гете. «Развѣ можетъ быть еще что-нибудь лучше! И чтò значить, если и окажется нѣсколько лучше? Когда художникъ достигнетъ извѣстной степени совершенства, то почти все равно, лучше-ли ему нѣсколько удалось одно произведеніе, или другое. Знатокъ въ каждомъ изъ нихъ видитъ руку мастера и весь объемъ его таланта и средствъ».

* Пятница, 17-го февраля 1832.

Я послалъ Гете награвированный въ Англіи портретъ Дюмона; онъ по видимому весьма заинтересовался имъ.

«Я часто и нѣсколько разъ рассматривалъ портретъ этого замѣчательнаго человѣка», сказалъ онъ мнѣ сегодня, когда я зашелъ къ нему вечеромъ. «Сначала въ его лицѣ мнѣ показалось нѣчто отталкивающее, но я могъ приписать это и работѣ художника, который слишкомъ жестко и глубоко выгравировалъ черты. Но чѣмъ я дольше смотрѣлъ на эту, въ высокой степени замѣчательную голову, тѣмъ болѣе исчезали всѣ рѣзкости, и изъ темнаго фона выступало прелестное выраженіе спокойствія, доброты и тонкой и умной кротости, столь характерное для этого мудраго, благожелательнаго и трудившагося для общаго блага человѣка; смотря на него, такъ хорошо становится на душѣ!»

Мы продолжали говорить о Дюмонѣ, о его *Воспоминаніяхъ* (*Mémoires*) о Мирабо, гдѣ онъ указываетъ

на многообразныя вспомогательныя средства, чѣмъ Мирабо умѣлъ пользоваться, а также называетъ многихъ талантливыхъ людей, которыхъ тотъ умѣлъ приспособить для своихъ цѣлей и при чемъ пособничествъ работалъ.

«Я не знаю книги поучительнѣе этихъ *Воспоминаній*», сказалъ Гете; «при ея помощи мы глубоко заглядываемъ въ самыя таинственные уголки того времени, и намъ такое чудо, какъ Мирабо, начинаетъ казаться естественнымъ, при чемъ герой нисколько не теряетъ своего величія. Но вотъ новѣйшіе критики во французскихъ газетахъ думаютъ объ этомъ нѣсколько иначе. Эти добрые люди полагаютъ, что авторъ воспоминаній хотѣлъ унижить ихъ Мирабо, разоблачая тайну его сверхъ-человѣческой дѣятельности и требуя нѣкотораго признанія великихъ заслугъ другихъ людей, которыхъ доселѣ затемняло имя Мирабо.

«Французы смотрятъ на Мирабо, какъ на своего Геркулеса, и они вполне правы. Но они забываютъ, что и колоссъ состоитъ изъ отдѣльныхъ частей, что и древній Геркулесъ существо собирательное, великій представитель не только своихъ подвиговъ, но и подвиговъ другихъ.

«Въ сущности, какъ бы мы ни притворялись, а всѣ мы существа собирательныя. Какъ мало то, что мы въ поднѣйшемъ смыслѣ можемъ назвать своимъ! и какъ малы мы сами! Намъ всѣмъ приходится и заимствовать, и учиться и у тѣхъ, кто жилъ раньше насъ, и у тѣхъ, кто живетъ вмѣстѣ съ нами. Даже величайшій геній не далеко бы ушелъ, вздумай онъ быть обязаннымъ всѣмъ только самому себѣ. Но этого не понимаютъ весьма многіе добрые люди, и въ мечтахъ объ оригинальности полъ-жизни бродятъ ощу-

пью въ потемкахъ. Я зналъ художниковъ, которые хвалились, что они не слѣдовали ни за однимъ изъ мастеровъ, а всѣмъ обязаны своему собственному гению. Дураки! Какъ будто это вообще бываетъ! Какъ будто міръ не напираетъ на нихъ на всякомъ шагу, и не дѣлаетъ изъ нихъ кое-чего, не взирая на ихъ собственную глупость. Да, я утверждаю, что, если такой художникъ просто пройдетъ вдоль стѣнъ этой комнаты и броситъ только бѣглый взглядъ на тѣ собственноручные рисунки нѣсколькихъ великихъ мастеровъ, которые висятъ на нихъ, — то и тогда онъ, если у него только есть талантъ, уже выйдетъ отсюда инымъ и выше, чѣмъ вошелъ.

«И, вообще, что въ насъ есть хорошаго, кромѣ силы и стремленія воспринимать средства изъ внѣшняго міра и заставлять ихъ служить нашимъ высшимъ цѣлямъ? Я могу, конечно, говорить о самомъ себѣ и скромно выразить свои чувства. Правда, я втеченіе моей долгой жизни многое сдѣлалъ и совершилъ, чѣмъ могу во всякомъ случаѣ похвалиться. Но что-же, честно говоря, было моимъ собственнымъ, кромѣ способности и влеченія видѣть и слышать, различать и избирать, да нѣсколько оживлять видѣнное и слышанное своимъ духомъ и передавать его съ нѣкоторой умѣлостью? Своими сочиненіями я никоимъ образомъ не обязанъ одной своей мудрости, но тысячамъ вещей и лицъ внѣ меня, которыя доставляли мнѣ для нихъ матерьялъ. Приходятъ дураки и умные, свѣтлые умы и ограниченные, дѣти и юноши, и люди зрѣлыхъ лѣтъ; всѣ они говорятъ мнѣ, что у нихъ на душѣ, что они думаютъ, какъ они живутъ и дѣйствуютъ, и что вывели изъ опыта, а мнѣ остается только все это схватывать и пожать то, что другіе для меня посѣяли.

«Въ сущности глупо разсуждать, взялъ ли человекъ нѣчто изъ себя, или отъ другихъ, дѣйствуетъ ли онъ самъ по себѣ, или при посредствѣ другихъ, — главное въ томъ, чтобъ обладать *большимъ желаніемъ и способностью и настойчивостью въ его осуществленіи*; все остальное безразлично. Мирабо поэтому былъ вполне правъ, пользуясь, насколько возможно, внѣшнимъ міромъ и его силами. У него былъ даръ распознавать талантъ, и талантъ чувствовалъ, что его увлекаетъ демонъ могучей природы Мирабо и добровольно отдавался ему и его руководству. Такимъ образомъ, онъ былъ окруженъ множествомъ превосходныхъ силъ, которыя проникалъ своимъ огнемъ и приводилъ въ дѣйствіе ради своихъ высшихъ цѣлей. И именно въ томъ, что онъ умѣлъ дѣйствовать *съ другими и чрезъ другихъ*, и заключался его геній, его оригинальность и его величіе».

Воскресенье, 11-го марта 1832.

Сегодня вечеромъ провелъ часокъ у Гете въ доброй бесѣдѣ о разныхъ вещахъ. Я купилъ англійскую библію, и къ великому моему изумленію не нашелъ въ ней апокрифическихъ книгъ; притомъ, онѣ были исключены, какъ ненастоящія, какъ книги небожественнаго происхожденія. Не было ни благороднаго *Toviv*, этого образца благочестиваго житія, ни *Премудрости* Соломона, ни *Исуса Сираха*, — писаній столь великой умственной и нравственной высоты, съ которыми немногія могутъ быть поставлены рядомъ ¹⁾. Я высказалъ Гете сожалѣніе относительно такого въ высшей степени узкаго взгляда, по кото-

¹⁾ Какъ извѣстно, всѣ эти книги включены въ нашу Библию.

рому нѣкоторыя книги Ветхаго Завета разсматриваются, какъ непосредственно данныя Богомъ, а другія, столь же превосходныя, исключаются изъ этого числа; какъ будто вообще можетъ произойти что либо благородное и великое, что не исходило бы отъ Бога и не было плодомъ его воздѣйствія.

«Я выполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе», возразилъ Гете. «Но есть двѣ исходныя точки, съ которыхъ можно разсматривать библейскія писанія. Есть точка зрѣнія нѣкотораго рода перворелигіи, точка зрѣнія чистой природы и разума, и она божественнаго происхожденія. Она на вѣки останется той же, и будетъ существовать и сохранить свое значеніе, пока будутъ существовать одаренныя богомъ существа. Но она—только для избранныхъ и слишкомъ высока и благородна, чтобъ стать общей. Затѣмъ имѣется точка зрѣнія церкви, и она болѣе человѣческаго происхожденія¹⁾. Она немощна, непостоянна и зачата въ блужданіи; и она будетъ жить въ вѣчномъ непостоянствѣ, пока будутъ существовать слабыя человѣческія существа. Чистый свѣтъ божественнаго откровенія слишкомъ чистъ и ярокъ; для бѣдныхъ слабыхъ людей онъ непомѣренъ и непереносенъ. Церковь является въ видѣ благодѣтельной посредницы, и затемняетъ, и умѣряетъ его, дабы онъ спасалъ многихъ и многимъ приносилъ благо. Христіанская церковь обладаетъ огромной силой вслѣдствіе того, что ей присуща вѣра, что она, въ качествѣ

¹⁾ Гете, говоря здѣсь и ниже о церкви, разумѣетъ не то, что понимается подъ именемъ церкви «соборной и апостольской», которую, по словамъ евангелія, не одолѣють «врата адавы». И здѣсь, какъ почти вездѣ въ *Разговорахъ*, онъ имѣетъ въ виду церковь католическую, или, вѣрнѣе, папство въ его противоположеніи протестантству.

наслѣдницы Христовой, можетъ освобождать отъ тягости человѣческихъ грѣховъ. Главная задача христіанскаго духовенства состоитъ въ томъ, чтобъ сохранить эту власть и это ученіе, и тѣмъ утвердить зданіе церкви.

«Поэтому она менѣе заботится о томъ, оказываетъ или нѣтъ та или другая библейская книга большее или меньшее просвѣтительное вліяніе, или о томъ, заключается ли въ ней ученіе высокой нравственности, или высокой человѣческой натуры, а обращаетъ болѣе вниманія въ книгахъ Моисеевыхъ на исторію грѣхопаденія и на возникновеніе потребности въ Искупителѣ; далѣе, въ пророкахъ—на повторительныя указанія на Него, ожидаемаго, а въ евангеліяхъ—на его дѣйствительное появленіе на землѣ и его крестную смерть во искупленіе нашихъ, человѣческихъ, грѣховъ. Вы видите, что при такихъ цѣляхъ и направленіи, при взвѣшиваніи на такихъ вѣсахъ, не могутъ имѣть значительнаго вѣса ни благородный Товія, ни премудрость Соломона, ни притчи Сираха.

«Впрочемъ, вопросы о подлинности и неподлинности библейскихъ книгъ очень странные вопросы. Чтò же подлинно, какъ не то, что вполне прекрасно, находится въ гармоніи съ чистѣйшей натурой и разумомъ и служить доселѣ для нашего высшаго развитія? И что неподлинно, какъ не то, что нелѣпо, пусто и глупо, не приноситъ никакого плода, по крайности добраго! Еслибъ подлинность библейскаго писанія могла быть рѣшена при помощи вопроса: передана ли намъ совершенная правда, то пришлось бы сомнѣваться въ подлинности нѣкоторыхъ мѣстъ въ евангеліи, ибо Маркъ и Лука писали не на основаніи непосредственнаго наблюденія

и опыта, но позже, на основаніи устнаго преданія, а ученикъ Іоаннъ писалъ въ очень преклонномъ возрастѣ. И все же я считаю всѣ четыре евангелія за вполнѣ подлинныя, потому что въ нихъ чувствуется отблескъ того величія, которое исходило отъ личности Христа, величія, столь божественнаго, насколько божественное можетъ проявиться на землѣ. Когда меня спрашиваютъ, лежитъ ли въ моей природѣ оказывать ему благоговѣйное почитаніе, я отвѣчаю: вполнѣ! Я преклоняюсь передъ нимъ, какъ предъ божественнымъ откровеніемъ высшей основы нравственности. Когда меня спрашиваютъ, лежитъ ли въ моей природѣ почитаніе солнца, я также отвѣчаю: вполнѣ! Ибо и оно также откровеніе Высочайшаго, и при томъ самое могущественное, какое мы, дѣти земли, только можемъ воспринять. Я благоговѣю въ немъ передъ свѣтомъ и производительной силой Бога, о которой мы живемъ, движемся и существуемъ, а съ нами и всѣ растенія и животныя. Но, если меня спросятъ, расположенъ ли я преклониться передъ костью большого пальца апостоловъ Петра или Павла, то я отвѣчу: пощадите меня и отстаньте отъ меня съ вашими нелѣпостями ²⁾!

«Не угашайте духа», говоритъ апостолъ.

«Въ церковныхъ постановленіяхъ много нелѣпаго. Но церковь хочетъ властвовать, и для нея необходима ограниченная масса, которая преклоняется предъ ней и расположена къ тому, чтобъ надъ ней властвовали. Высшее, пользующееся богатыми доходами духовенство ничего такъ не боится,

²⁾ Не слѣдуетъ забывать, что Гете возросъ въ протестантизмѣ, т. е. въ вѣроисповѣданіи, отвергающемъ поклоненіе святымъ.

какъ образованія низшихъ классовъ. Оно долго, какъ только было возможно, не давало имъ даже библіи въ руки. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ думать бѣдный членъ христіанской церкви о княжеской роскоши епископа съ большимъ доходомъ, когда онъ въ евангеліи читаетъ о бѣдности и нуждѣ Христа, ходившаго со своими учениками пѣшкомъ, между тѣмъ, какъ князь-епископъ съ громомъ катитъ въ каретѣ на шестеркѣ?

«Мы и не подозреваемъ», продолжалъ Гете, «какъ мы должны быть благодарны Лютеру и реформациі вообще. Мы освободились отъ оковъ духовной ограниченности, а вслѣдствіе того стали способны къ дальнѣйшей культурѣ, смогли возвратиться къ источнику и обнять христіанство въ его чистотѣ. Мы вновь приобрѣли мужество стоять твердыми ногами на божьей землѣ и сознать въ себѣ нашу богомъ одаренную человѣческую природу. Пусть умственная культура идетъ все впередъ, пусть естественныя науки все разрастаются и въ объемѣ, и въ глубину, пусть человѣческій духъ расширяется, насколько возможно, все же ничто не превзойдетъ величія и нравственнаго ученія христіанства, какъ оно блещетъ и свѣтитъ въ евангеліи.

«Но, чѣмъ значительнѣе мы, протестанты, будемъ преуспѣвать въ благородномъ развитіи, тѣмъ быстрѣе будутъ слѣдовать за нами католики. Какъ скоро они почувствуютъ, что ихъ охватываетъ болѣе и болѣе все вокругъ себя захватывающее великое современное просвѣщеніе, то они будутъ вынуждены волей или неволей слѣдовать за нимъ; и такъ-то все придетъ къ тому, что наконецъ все станетъ единымъ.

«Исчезнетъ также и несчастное протестантское

стремленіе къ сектамъ, а съ нимъ ненависть и враждебность между отцомъ и сыномъ, между братомъ и сестрой. Ибо, какъ только будетъ понято и усвоено, какъ слѣдуетъ, чистое ученіе и любовь Христа, то всѣ почувствуютъ себя, какъ человѣка, великимъ и свободнымъ, и не станутъ придавать особаго значенія той или другой частности внѣшняго культа.

«Точно также всѣ мы постепенно перейдемъ отъ христіанства по слову и вѣрѣ къ христіанству по духу и дѣяніямъ».

Разговоръ перешелъ на великихъ людей, жившихъ до Христа, у китайцевъ, индійцевъ, персовъ и грековъ, и на то, что божественная сила дѣйствовала и въ нихъ такъ же, какъ и въ великихъ евреяхъ Ветхаго завета. Затѣмъ мы дошли до вопроса, какъ обнаруживается дѣйствіе Божіе въ великихъ натурахъ современнаго міра, въ которомъ мы живемъ.

«Если послушать, какъ толкуютъ люди», сказалъ Гете, «то почти придешь къ мысли, что они того мнѣнія, что Богъ съ того давняго времени совершенно почилъ отъ дѣлъ, и что теперь человѣку приходится стоять вполнѣ на своихъ ногахъ и обходиться безъ его ежедневнаго невидимаго дыханія. Впрочемъ, въ религіозныхъ и нравственныхъ вещахъ еще признаютъ божественное воздѣйствіе, но дѣло науки и искусства считаютъ чисто земнымъ и не болѣе, какъ продуктомъ прямо человѣческихъ силъ.

«Пусть же кто нибудь попробуетъ и произведетъ, при помощи человѣческой воли и человѣческихъ силъ, нѣчто такое, что можно бы поставить наравнѣ съ созданіями, носящими имена Моцарта,

Рафаэля или Шекспира. Я прекрасно знаю, что эти три благородных мужа никоимъ образомъ не единственны, и что во всѣхъ областяхъ искусства дѣйствовало множество выдающихся умовъ, которые производили вещи, столь же прекрасныя, какъ и названные художники; но, если они были столь же велики, какъ тѣ, то и они превосходили обычную человѣческую природу въ данномъ отношеніи, и были столь же какъ и тѣ одарены Богомъ.

«И вообще, что же это, и что оно означаетъ? То, что Богъ, послѣ извѣстныхъ воображаемыхъ шести дней творенія, никоимъ образомъ не почилъ отъ дѣлъ; вѣрнѣе, что онъ такъ же дѣятеленъ, какъ и въ первый день. Ему навѣрное доставило бы мало удовольствія составить изъ простыхъ элементовъ этотъ неуклюжій міръ и заставить его изъ году въ годъ вертѣться вокругъ солнца, еслибы у него не было плана обосновать на этой вещественной подкладкѣ питомникъ для міра духовъ. Поэтому, онъ всегда и непрестанно живетъ и дѣйствуетъ въ высокихъ натурахъ, дабы возвысить къ себѣ и низшіе».

Гете умолкъ. Но я сохранилъ его великія и добрыя слова въ сердцѣ своемъ.

Добавленіе ¹⁾. Гете не любилъ ничего выученнаго и заученнаго, и утверждалъ, что всякую философію надо полюбить и пережить, если желаешь, чтобы она получила значеніе для жизни. «Но живутъ ли еще вообще въ наше время?» говорилъ онъ. «Стокъ, платоникъ, эпикуреецъ—всякій долженъ на свой ладъ свести счетъ съ міромъ; въ этомъ-то и есть

¹⁾ Изъ книги Фалька «Goethe aus nähern persönlichen Umgänge dargestellt». Стр. 69 и слѣд., по изданію 1856 г.

задача жизни, отъ которой не можетъ отдѣлаться никто, къ какой бы школѣ онъ себя ни причислялъ. Философы могутъ, со своей стороны, представить намъ только различныя *формы жизни*. Насколько онѣ къ намъ подходятъ, и сможемъ ли мы, смотря по нашей природѣ или способностямъ, придать имъ требуемое содержаніе—наше дѣло. Мы должны испытывать самихъ себя, и самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовать все, воспринимаемое извнѣ внутрь, какъ пища; иначе, либо мы разрушимъ философію, либо она насъ разрушитъ. Строгая умѣренность Канта, напримѣръ, требовала философіи, подходящей къ его прирожденной склонности. Прочтите его жизнь, и вы вскорѣ замѣтите, какъ онъ искусно сгладилъ рѣзкость своего стоицизма, который собственно представлялъ прямую противоположность съ общественными отношеніями; какъ онъ его укротилъ и привелъ въ равновѣсіе со свѣтомъ. Каждый индивидуумъ, въ силу своихъ наклонностей, имѣетъ право на извѣстные принципы, которые не противорѣчатъ ему какъ индивидууму. Либо тутъ слѣдуетъ искать первоисточникъ всѣхъ философій, либо ихъ искать негдѣ. Зенонъ и стоики имѣлись въ Римѣ на лицо раньше, чѣмъ туда проникло ихъ ученіе. Суровый образъ мыслей римлянъ, пролагавшій имъ путь къ великимъ героическимъ и воинскимъ подвигамъ и заставлявшій ихъ презирать всякую боль, всякое пожертвованіе, долженъ былъ predisposing ихъ къ сочувственному и добровольному воспринятію принциповъ, которые предъявляли къ человѣческой природѣ сродныя требованія. Всякой системѣ, даже цинизму, удастся свести счетъ со свѣтомъ, какъ только съ нею выступитъ истый герой. Только заученное не выдер-

живаеѣ противорѣчія съ челоѣческой природой; ибо прирожденное вамъ сумѣеѣтъ всюду найти выходъ и нерѣдко счастливо побѣждаетъ все, ей противоположное. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣжная природа Виланда склонялась къ философіи Аристиппа; съ другой стороны, тою же причиной удовлетворительно объясняется его рѣшительное отвращеніе къ Діогену и всякому цинизму. Умъ, которому, какъ уму Виланда, прирождено изящество всѣхъ формъ, никоимъ образомъ не можетъ находить удовольствія въ системѣ, которая постоянно нарушаетъ это изящество. Мы должны прежде всего быть въ согласіи съ самими собою, и тогда только мы съумѣемъ, если не устранить, то все же по крайней мѣрѣ въ извѣстной мѣрѣ сгладить окружающія насъ дисгармоніи.

«Я утверждаю, что въ философіи даже эклектики бывають прирожденные; и когда эклектизмъ соотвѣтствуетъ внутренней природѣ челоѣка, то онъ также хорошъ, и я не стану дѣлать ему упрека ¹⁾. Какъ часто встрѣчаются люди, которые по

¹⁾ Въ *Мысляхъ* Гете встрѣчаемъ слѣдующія: «Не можетъ быть эклектической философіи; существуютъ только философы-эклектики.—Эклектикъ тотъ, кто ради усвоенія избираетъ во всемъ его окружающемъ, во всемъ вокругъ него происходящемъ то, что состоитъ въ гармоніи съ его собственной природой; я разумѣю подъ этимъ, что онъ долженъ приспособить къ себѣ, какъ изъ теоріи, такъ и изъ практики, все, что можетъ послужить къ его преуспѣянію и развитію. Поэтому, двое эклектиковъ могутъ быть противниками, если они рождены съ разными склонностями; потому что каждый изъ нихъ избереѣтъ въ философскомъ преданіи именно то, что ему соотвѣтствуетъ. Оглянитесь вокругъ себя, и вы увидите, что почти всякій въ сущности поступаетъ такимъ образомъ, и вотъ почему нельзя уяснить себѣ, почему намъ не удастся убѣдить другого».

прирожденнымъ склонностямъ на половину стоики, на половину эпикурейцы! Поэтому, я нисколько не удивляюсь тому, что они принимаютъ принципы обѣихъ системъ, и стараются, по возможности, согласовать ихъ. Иное дѣло то умственное ничтожество, которое, по недостатку собственнаго внутренняго настроенія, тащитъ, какъ галка въ гнѣздо, все, что ни попадется гдѣ бы то ни было, и тщится изъ омертвѣлыхъ обломковъ слѣпить живое цѣлое. Всѣ такія философіи ничего не значатъ; онѣ не исходятъ ни изъ какого результата, и не ведутъ ни къ какому результату.

«Я также не любитель популярной философіи. Какъ въ религіи, такъ и въ философіи есть таинства. По справедливости, слѣдуетъ оберегать отъ нихъ народъ, или по меньшей мѣрѣ не слѣдуетъ насильственно его наталкивать на изслѣдованіе подобныхъ вещей. Эпикуръ гдѣ-то замѣтилъ: «это справедливо именно потому, что народъ имъ не доволенъ». Трудно предвидѣть конецъ того нерадостнаго умственнаго блужданія, которое проявилось у насъ со времени реформаціи, благодаря тому, что таинства были предоставлены произвольному толкованію народа и черезъ то подверглись хитроумнымъ сплетеніямъ всѣхъ одностороннихъ разсудочныхъ сужденій. Уровень обыкновеннаго человѣческаго ума, право, не такъ высокъ, чтобъ ему можно было предлагать такія великія задачи и избирать его судьей и рѣшителемъ въ подобныхъ вопросахъ. Таинства, особенно догматы христіанской религіи, соприкасаются съ самыми глубокими философскими задачами, и отличаются отъ нихъ только обличеніемъ. Поэтому-то нерѣдко, смотря по исходной точкѣ, то теологію называютъ сбившейся съ пути метафи-

зикою, то метафизику сбившейся съ пути платонической теологіей. Но обѣ стоятъ такъ высоко, что разсудокъ, не возвышающійся надъ обычной сферой, не можетъ льстить себя надеждой достигнуть до ихъ сокровищницъ. Образованіе же ограничивается только весьма узкимъ кругомъ практической дѣятельности.

«Но народъ, по большей части, довольствуется тѣмъ, что громко повторяетъ то, что слышалъ какъ громко произносили передъ нимъ. Благодаря этому, конечно, возникаютъ самыя странныя явленія, и нѣтъ конца наглости. Образованный, но почти грубый человѣкъ, въ своей поверхностности, часто высмѣиваетъ такіе предметы, предъ которыми преклонились бы съ благоговѣйнымъ страхомъ Якоби или Кантъ, признанные по справедливости украшеніемъ своего народа. Результаты философіи, политики и религіи дѣйствительно могутъ быть полезны народу; но не слѣдуетъ возводить самого народа на степень философовъ, пастырей или политиковъ. Это не годится! Еслибъ въ протестантизмѣ заботились болѣе о раздѣленіи того, что слѣдуетъ любить и чѣмъ слѣдуетъ жить, отъ того, что слѣдуетъ изучать; еслибъ относительно таинствъ соблюдалось непрерывное и почтительное молчаніе; еслибъ съ досадной надменностью не извращали догматовъ на тотъ или иной ладъ, требуя отъ каждого насильственного послѣдованія подобнымъ толкованіямъ; еслибъ нѣкоторые изъ нихъ, при помощи безвременныхъ насмѣшекъ или бойкихъ отрицаній, не опорочивались и не подвергались опасности,—то я первый и отъ всего сердца стану ходить въ церковь моихъ единовѣрцевъ, и подчинюсь съ радостнымъ чув-

ствомъ общему практическому исповѣданію вѣры, которое непосредственно соединено съ дѣлами».

Въ началѣ марта 1832.

Гете рассказывалъ за обѣдомъ, что у него былъ баронъ Карлъ фонъ-Шпигель и чрезвычайно ему понравился. «Онъ очень красивый молодой человѣкъ», сказалъ Гете; «въ его манерѣ, въ его обхожденіи есть нѣчто, почему сразу узнаешь въ немъ дворянина. Онъ такъ же не могъ бы скрыть своего происхожденія, какъ другой своего высокаго ума. Потому что и родовитость, и умъ придаютъ тому, кто ими обладаетъ, такой отпечатокъ, что его нельзя спрятать ни подъ какимъ инкогнито. Они такія же силы, какъ красота, и къ нимъ нельзя приблизиться, не почувствовавъ, что они принадлежатъ къ высшему разряду».

Нѣсколько дней спустя.

Мы говорили о трагической идеѣ судьбы у грековъ.

«Она уже не соотвѣтствуетъ болѣе нашему образу мыслей», сказалъ Гете; «она устарѣла и вообще въ противорѣчій съ нашими религіозными представленіями. Когда новѣйшій поэтъ приспособляетъ подобныя старинныя идеи къ своей піесѣ, то онъ всегда кажутся какой-то афектаціей. Это платье — давно вышедшее изъ моды, и ужъ не къ лицу намъ, какъ и римская тога.

«Намъ, новымъ, лучше повторять за Наполеономъ: *политика — вотъ судьба!* Но остережемся повторять за нашими литераторами, будто политика — поэзія, или хотя бы то, что политика подходящій сюжетъ для поэзіи. Англійскій поэтъ Томсонъ написалъ очень хорошую поэму о временахъ года, и весьма

плохую о свободѣ; и не потому, чтобъ въ поэтѣ было мало поэзіи, а потому, что ея мало въ сюжетѣ.

«Какъ скоро поэтъ захочетъ имѣть политическое вліяніе, онъ долженъ пристать къ какой нибудь партіи, а только онъ это сдѣлаетъ, то и погибнетъ, какъ поэтъ; онъ принужденъ будетъ проститься со свободнымъ умомъ, со своимъ независимымъ взглядомъ, и нахлобучить себѣ по уши колпакъ ограниченности и слѣпой ненависти.

«Поэтъ долженъ, какъ человѣкъ и гражданинъ, любить свое отечество, но отечество его *поэтическихъ* силъ и его поэтическаго вліянія заключается въ добрѣ, благородствѣ и красотѣ, и оно не связано ни съ какой отдѣльной провинціей, ни съ какой особой страной; онъ его избираетъ и изображаетъ тамъ, гдѣ находитъ. Поэтому онъ подобенъ орлу, который обнимаетъ своимъ взоромъ страны, и которому все равно, куда бѣжить тотъ заяцъ, котораго онъ намѣтилъ, въ Пруссію, или Саксонію.

«И что такое значитъ: любить свое отечество, или дѣйствовать патріотически? Когда поэтъ всю свою жизнь трудился надъ тѣмъ, чтобъ бороться съ вредными предразсудками, устранять одностороннія воззрѣнія, просвѣщать умъ своего народа, очищать его вкусъ и облагораживать образъ его мнѣній и мыслей, — то могъ ли онъ поступать лучше? и развѣ онъ могъ дѣйствовать болѣе патріотично? Предъявлять такія неумѣстные и бесплодные требованія къ поэту, все равно, какъ еслибы потребовали отъ полкового командира, чтобъ онъ, дабы сдѣлаться истымъ патріотомъ, путался во всѣ политическія новшества и чрезъ то небрегъ бы своимъ прямымъ дѣломъ. Но отечество полкового командира — его *полкъ*, и онъ окажется отличнымъ патріотомъ, если

вовсе не станеть утруждать себя политикой болѣе, чѣмъ то до него касается, а напротивъ, направить весь своей умъ и всѣ свои заботы на ввѣренные ему баталіоны и будетъ стараться достоительно ихъ обучать и держать ихъ въ такой дисциплинѣ и въ такомъ порядкѣ, чтобъ въ случаѣ, когда отечество будетъ въ опасности, они мужественно постояли за себя.

«Я ненавижу всякое дурацкое дѣло, какъ грѣхъ, особенно же дурацкую работу въ государственныхъ дѣлахъ, изъ которой ничего не выходитъ, кромѣ бѣдствія для тысячъ и миллионовъ.

«Вы знаете, что вообще я мало забочусь о томъ, что обо мнѣ пишутъ, но до меня доходить, и я прекрасно знаю, что, какъ я ни трудился всю мою жизнь, а всѣ мои произведенія, въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, почитаются за ничто, именно потому, что я презиралъ раздѣленіе на политическія партіи и не вмѣшивался въ нихъ. Чтобы понравиться этимъ господамъ, мнѣ слѣдовало бы сдѣлаться членомъ клуба якобинцевъ и проповѣдывать убійство и кровопролитіе!... Но не станемъ говорить больше объ этомъ печальномъ предметѣ, чтобъ самому не обезумѣть, борясь съ безумствомъ».

Точно также Гете осуждалъ столь восхвалявшееся другими политическое направленіе Уланда. «Вотъ увидите», говорилъ онъ, «политикъ съѣстъ поэта. Быть членомъ собранія государственныхъ чиновъ, проводить жизнь въ столкновеніяхъ и возбужденіяхъ не подходитъ къ нѣжной природѣ поэта. Его пѣснямъ конецъ, а объ этомъ, въ извѣстной мѣрѣ, нельзя не пожалѣть. Въ Швабіи довольно лишь, достаточно образованныхъ, благомыслящихъ, дѣльныхъ и хорошихъ ораторовъ, чтобъ быть членами

въ собраніи государственныхъ чиновъ, и всего одинъ такой поэтъ, какъ Уландъ» ¹⁾).

* * *

Послѣдній другъ, котораго Гете гостепріимно угощалъ, былъ старшій сынъ г-жи фонъ-Арнимъ; послѣднее, что написалъ онъ, было нѣсколько стиховъ въ альбомъ названнаго молодого друга.

* * *

На другое утро послѣ кончины Гете, меня охватило глубокое желаніе взглянуть еще разъ на его земную оболочку. Его вѣрный слуга, Фридрихъ, отперъ мнѣ дверь въ комнату, гдѣ его положили. Распростертый на спинѣ, онъ покоился точно сонный; глубокое спокойствіе и твердость господствовали въ чертахъ его возвышенно-благороднаго лица. Его могущественный лобъ казалось хранилъ еще мысли. Мнѣ хотѣлось взять на память прядь его волосъ, но почтительный страхъ воспрепятствовалъ мнѣ отстричь ихъ. Обнаженное тѣло было обернуто бѣлой простыней; подлѣ былъ положенъ большой кусокъ льда, чтобъ сохранить его, насколько возможно, свѣжимъ. Фридрихъ отвернулъ простыню, и я подивился на божественное великолѣпіе этихъ членовъ. Грудь была необычайно сильная, широкая и выпуклая; руки и ноги были полныя и нѣжныя; слѣдки ногъ изящны и правильны по формѣ, и нигдѣ на цѣломъ тѣлѣ не было и слѣда ожирѣнія, отощанія или разложенія. Передо мной лежалъ совершенный человѣкъ въ полной своей красѣ, и восторгъ, который я при этомъ почувствовалъ, заста-

¹⁾ Пророчество Гете исполнилось. Съ 1832 по 1862 (годъ его кончины) Уландъ не написалъ ничего значительнаго.

виль меня позабыть на мигъ, что безсмертный духъ уже оставилъ эту оболочку. Я положилъ руку ему на сердцѣ—тамъ была глубокая тишина,—и я от-вернулся, чтобъ дать волю слезамъ, отъ которыхъ удерживался дотолѣ.

Добавленіе ¹⁾. Въ день похоронъ Виланда, я замѣтилъ во всемъ существѣ Гете такое торжественное настроеніе, которое проявлялось въ немъ рѣдко. Въ немъ было нѣчто умягченное, даже скорбное; глаза часто блестѣли; въ выраженіи лица, въ голосѣ было нѣчто иное, чѣмъ всегда. Это могло быть причиною, что разговоръ нашъ на этотъ разъ коснулся сверхчувственного, чѣмъ Гете обыкновенно, если и не пренебрегаетъ, то отъ чего онъ охотно уклоняется; мнѣ думается, что это зависитъ отъ того, что, согласно съ прирожденными склонностями, онъ въ разговорѣ охотнѣе ограничивается настоящимъ и тѣми пріятными явленіями, которыя искусство и природа представляютъ намъ для глаза и разсмотрѣнія въ доступномъ для насъ кругу.

Понятно, что усопшій другъ былъ главнымъ предметомъ нашего разговора. Не давъ разойтись разговору, я воспользовался тѣмъ, что Гете сказалъ о жизни послѣ смерти, какъ о вещи, которая разумѣется сама собою, и прямо спросилъ его:—А какъ вы думаете, что можетъ въ это мгновеніе предпринять душа Виланда?

— Ничего мелкаго, ничего недостойнаго, ничего несовмѣстимаго съ тою нравственной высотой, которую онъ обнаруживалъ въ теченіе всей жизни, отвѣчалъ Гете.— Но я рѣдко говорю о подобныхъ

¹⁾ Изъ книги Фалька. Разговоръ происходилъ въ январѣ 1813 г.

вещахъ, а потому, чтобъ не вышло недоразумѣнія, я долженъ высказаться обстоятельнѣе. Что нибудь да значать восемьдесятъ лѣтъ достойно и честно прожитой жизни, что нибудь да значить пріобрѣтеніе столь умственно-нѣжныхъ мыслей, какія съ такой прелестью преобладали въ душѣ Виланда; что нибудь да значить это прилежаніе, это желѣзное терпѣніе, эта настойчивость, которыми онъ превосходилъ насъ всѣхъ!... ?

— Или вы его поставите на ряду съ Цицерономъ, которымъ онъ такъ усердно занимался до самой смерти?

— Не прерывайте меня, когда мнѣ требуется придать ходу моихъ мыслей полное и спокойное развитіе! — *Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ въ природѣ не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи такихъ высокихъ душевныхъ силъ; природа никогда не расточаетъ такъ своихъ сокровищъ. Душа Виланда, по природѣ своей, сокровище, истинная драгоценность. Прибавьте къ этому, что за свою долгую жизнь онъ не умалилъ этихъ прекрасныхъ духовныхъ даровъ, но пріумножилъ ихъ. Повторяю, подумайте хорошенько объ этомъ обстоятельстве. Рафаэлю было едва тридцать, Кеплеру едва сорокъ лѣтъ, какъ оба они вдругъ прекратили свою жизнь, между тѣмъ какъ Виландъ....*

— Какъ? съ изумленіемъ прервалъ я тутъ Гете, — вы говорите о смерти, какъ будто она зависитъ отъ нашего произвола?...

— Я часто позволяю себѣ такъ думать, отвѣчалъ онъ мнѣ, — и, если вы иного мнѣнія, то я готовъ поговорить съ вами объ этомъ основательно, потому что въ настоящую минуту мнѣ дозволено высказать мои мысли.

Я убѣдительно просилъ его не скрывать ихъ отъ меня.

— Вы давно знаете, заговорилъ онъ,—что идеи, которымъ не достаетъ крѣпкой основы въ мірѣ, подлежащемъ чувствамъ, каковы бы ни были ихъ прочія достоинства, для меня не имѣютъ убѣдительности, потому что я, передъ лицомъ природы, хочу не просто предполагать и вѣрить, но знать. Точно также я относился и къ вопросу о сохраненіи личной жизни нашей души послѣ смерти. Онъ ни коимъ образомъ не находится въ противорѣчій съ многолѣтними наблюденіями, которыя я дѣлалъ надъ свойствами, какъ человѣка, такъ и другихъ созданій въ природѣ; напротивъ, оно истекаетъ изъ нихъ съ новыми доказательствами. — Но много-ли, или мало изъ нашей личности заслуживаетъ того, чтобы оно не прекращало своего существованія, — иной вопросъ; и этотъ пунктъ слѣдуетъ оставить Божьему рѣшенію. Предварительно я долженъ замѣтить слѣдующее: я принимаю различные классы, — извѣстную іерархію для крайнихъ первичныхъ основныхъ частей всѣхъ существъ, равно какъ и для исходныхъ точекъ всѣхъ явленій въ природѣ; я могъ бы назвать ихъ *душами*, потому что они одушевляютъ все, но лучше ихъ звать *монадами*, — станемъ придерживаться этого Лейбницева выраженія! Да и врядъ ли можемъ придумать лучшее для обозначенія простоты (несложности) простѣйшаго существа. — И вотъ нѣкоторыя изъ этихъ монадъ или исходныхъ точекъ, какъ показываетъ намъ опытъ, столь малы, столь незначительны, что годятся только для подчиненной службы, для подчиненнаго существованія. Другія, напротивъ, сильны и могущественны. Последнія все, что къ нимъ приближается,

захватываютъ въ свой кругъ и превращаютъ въ то, что оживляютъ сами, то есть въ тѣло, растение, животное, или, еще выше, въ звѣзду. Они пользуются этой властью до тѣхъ поръ, пока не совершится внѣшнее тѣлесное проявленіе того большого или малаго міра, идея котораго духовно заключена въ нихъ. Только такія монады собственно и можно назвать душами. Отсюда слѣдуетъ, что есть міровыя монады, міровыя души и монады муравьевъ, муравьиныя души, и что тѣ и другія, въ своемъ первичномъ происхожденіи, если и не тождественны, то родственны по своей первичной сущности.

«Всякое солнце, всякая планета носить въ себѣ высокую идею, высокое предопредѣленіе, благодаря которому ихъ развитіе совершается такъ же правильно и на основаніи того же закона, какъ и развитіе розоваго куста, при посредствѣ листа, стебля, вѣнчика ¹⁾. Вы можете назвать это идеей, или монадой, какъ вамъ угодно, я ничего противъ того не имѣю; достаточно принять, что такое предназначеніе, такое предрасположеніе, не видимо и предшествуетъ тому видимому развитію изъ него, которое проявляется въ природѣ. Слѣдуетъ только остерегаться, чтобъ ларвы, тѣ промежуточныя формы, которыя монада проходитъ въ своемъ развитіи, не вовлекли насъ въ ошибку. Все это та же метаморфоза, та же способность природы къ превраще-

¹⁾ Эту мысль можно уяснить слѣдующимъ уподобленіемъ: всѣ органическія клѣтки, всѣ зародыши, почти тождественны, но въ каждой заключено нѣкоторое предопредѣленіе, или нѣкоторый законъ, въ силу котораго одна навсегда останется на степени простѣйшаго организма, а другая разовьется въ розу, рыбу или человѣка.

ніямъ, которая выводитъ изъ листа цвѣтокъ, розу, или изъ яйца гусеницу и изъ гусеницы бабочку.— Впрочемъ, болѣе низкія монады повинуются вышнимъ, потому что имъ надлежитъ повиноваться, а не потому, чтобъ это доставляло имъ особое удовольствіе. Въ цѣломъ, все это происходитъ весьма естественно. Поглядите, напримѣръ, на эту руку. Она состоитъ изъ частей, которыя главная монада, тотчасъ же при ихъ появленіи, сумѣла неразрушимо связать съ собою, и онѣ во всякое мгновеніе у нея на службѣ. При помощи ихъ, я могу сыграть ту или другую музыкальную піесу; я могу заставить по произволу мои пальцы бѣгать по фортепьяннымъ клавишамъ. Онѣ, такимъ образомъ, доставляютъ мнѣ духовно-прекрасное наслажденіе; но сами по себѣ онѣ глухи; слышитъ только главная монада. И я могу предположить, что моя игра на фортепьяно интересуется весьма мало, или даже вовсе не интересуется, мою руку или мои пальцы. Игра монадъ, доставляющая мнѣ удовольствіе, не дѣйствуетъ на нихъ самихъ, какъ на подчиненныхъ мнѣ, или же только тѣмъ, что я ихъ нѣсколько утомляю. На сколько пріятнѣе было бы для ихъ чувствъ, еслибъ онѣ могли вмѣсто того, чтобъ праздно бѣгать по клавишамъ моего фортепьяно, летать въ видѣ трудолюбивыхъ пчелъ надъ лугомъ, сидѣть на деревѣ, или лакомиться на цвѣточныхъ вѣтвяхъ, къ чему у нихъ навѣрно есть врожденная склонность! Минута смерти, которая поэтому зовется прекрасно также разрѣшеніемъ, есть именно то мгновеніе, когда властвующая главная монада освобождаетъ своихъ, до того подданныхъ, монадъ отъ ихъ вѣрной службы. Какъ на зарожденіе, такъ и на это представленіе я смотрю какъ на самостоятельныя дѣйствія этой глав-

ной монады, собственная сущность которой намъ вполнѣ неизвѣстна.

«Но всѣ монады, по природѣ своей, до того неразрушимы, что ихъ дѣятельность, въ моментъ разрѣшенія, сама по себѣ не прекращается и не утрачивается, но продолжается и въ этотъ самый моментъ. Онѣ освобождаются отъ прежнихъ отношеній, съ тѣмъ чтобы тотчасъ же вступить въ новыя. При этой перемѣнѣ, все сводится къ тому, какъ велико внутреннее предрасположеніе той или другой монады. И великая разница въ томъ, будетъ ли то монада образованной человѣческой души, или монада бобра, птицы, или рыбы. И вотъ мы снова приходимъ къ іерархіи душъ, которую принуждены принять, если хотимъ сколько нибудь объяснить явленія природы. Сведенборгъ по своему изслѣдовалъ этотъ вопросъ, и для представленія своихъ идей прибѣгъ къ образу, удачнѣе котораго трудно и придумать. Именно, онъ сравниваетъ мѣстопребываніе душъ съ пространствомъ, раздѣленнымъ на три отдѣленія, причемъ среднее самое обширное. Предположимъ теперь, что изъ этихъ различныхъ отдѣленій, въ самомъ просторномъ собираются различныя творенія, напримѣръ, рыбы, птицы, собаки, кошки; какая пестрая смѣсь! Но какое же непосредственное слѣдствіе произойдетъ изъ этого? Удовольствіе быть всѣмъ вмѣстѣ вскорѣ исчезнетъ; въ силу крайнихъ противоположностей въ склонностяхъ вскорѣ возникнетъ столь же крайняя война; въ концѣ концовъ, подобное соединится съ подобнымъ, рыбы съ рыбами, птицы съ птицами, собаки съ собаками, кошки съ кошками, и каждый изъ этихъ обособившихся родовъ станетъ искать особаго помѣщенія. Вотъ вамъ точное повтореніе исторіи нашихъ монадъ послѣ

прекращенія ихъ земной жизни. Всякая монада отправится туда, къ чему она принадлежитъ, въ воду, воздухъ, землю, огонь, на звѣзды; и въ тайномъ, влекущемъ ихъ туда стремленіи заключается тайна ихъ будущаго назначенія.

«Объ уничтоженіи нечего и думать; но стоитъ поразмыслить о грозящей намъ опасности быть захваченными и подчиненными монадой, хотя и низшаго разбора, но сильной; со своей стороны, я не могу отвергать ея на основаніи простого наблюденія природы».

Въ это время слышалось, какъ на улицѣ нѣсколько разъ пролаяла собака. Гете чувствуетъ отъ природы антипатію къ собакамъ, и онъ поспѣшно подошелъ къ окну и закричалъ: «Ухищрайся, какъ хочешь, лавра, а меня ты не захватишь въ плѣнъ!» Это показалось бы до чрезвычайности странно тому, кто не знаетъ всей совокупности идей Гете; тому же, кто знакомъ съ нею, оно показалось бы вдохновеннымъ и весьма умѣстнымъ порывомъ.

— Эта низкая сволочь, заговорилъ онъ снова послѣ молчанія и болѣе покойнымъ тономъ, — важнаеть свыше мѣры; въ нашемъ планетномъ закоулкѣ мы принуждены жить съ настоящими подонками монадъ, и если на другихъ планетахъ узнаютъ о томъ, то такое общество не принесетъ намъ чести.

Я спросилъ его потомъ, думаетъ ли онъ, что переходы изъ одного состоянія въ другое сопровождаются сознаніемъ самихъ монадъ?

— Я не стану отрицать, что онѣ могутъ сохранить общее воспоминаніе своей исторіи, такъ и того, что могутъ существовать монады высшей, чѣмъ мы, природы. Міровая монада, въ своемъ внутреннемъ предрасположеніи можетъ сохранить многое изъ тем-

наго запаса своихъ воспоминаній, и то, что сохранится, будетъ казаться какъ бы пророческимъ словомъ, хотя оно въ сущности есть только темное воспоминаніе о быломъ существованіи, то есть дѣло памяти; такъ, человѣческій геній открылъ скрижали относительно происхожденія вселенной не при помощи сухихъ усилій ума, но благодаря воспоминанію, подобному освѣщающей тьмѣ молніи; воспоминанію, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ творенія. Было бы дерзостью положить цѣль такимъ проблемамъ воспоминанія высшихъ умовъ, или опредѣлить степень, до которой они могутъ сохраняться.— Я не вижу ничего немислимаго въ сохраненіи личности міровой монады, но именно относительно обшлаго и историческаго.

«Что касается насъ самихъ, то кажется, что всѣ прежнія существованія, которыя мы уже пережили на этой планетѣ, во всей своей совокупности, до того незначительны и посредственнаго качества, что передъ глазами природы врядъ ли многое окажется достойнымъ вторичнаго воспоминанія. И въ нашемъ теперешнемъ существованіи пришлось бы также на этотъ счетъ быть весьма разборчивымъ, и вѣроятно, что въ будущемъ наша главная монада суммируетъ эти воспоминанія, то есть совокупитъ ихъ въ нѣсколько важныхъ историческихъ моментовъ».

Эти слова Гете напомнили мнѣ то, что высказалъ мнѣ однажды Герденъ въ минуту великой скорби. «Теперь мы стоимъ съ вами напротивъ другъ друга на Петропавловскомъ кладбищѣ», говорилъ мнѣ покойный; «и я надѣюсь, что мы будемъ также стоять другъ противъ друга гдѣ нибудь на Уранѣ; ноохрани Богъ, чтобъ я унесъ съ собою въ тотъ міръ воспоминаніе, напимѣръ, о моемъ житьѣ здѣсь, въ

этихъ идущихъ вдоль Ильма улицахъ, со всѣми возможными подробностями! Со своей стороны, я почти такой подарокъ за величайшія наказаніе и мученіе».

— Если мы пожелаемъ пуститься въ предположенія, продолжалъ Гете,—то, право, я не вижу, что бы могло помѣшать монадѣ, которой мы обязаны появленіемъ Виланда на нашей планетѣ, въ новомъ ея существованіи вступить въ высшія комбинаціи вселенной. Она имѣетъ право на все, благодаря своему прилежанію, ревности и уму, съ которыми воспринимала въ себя столь многія событія міровой исторіи. — Я нисколько не удивлюсь, и найду, что всѣ мои взгляды вполне подтвердились, если черезъ нѣсколько столѣтій вновь встрѣчу Виланда въ видѣ міровой монады, въ видѣ звѣзды первой величины, и, увидѣвъ это, буду свидѣлемъ, какъ онъ оживляетъ и просвѣтляетъ своимъ любезнымъ свѣтомъ все, что къ нему приближается. Дѣйствительно, освѣтить и сдѣлать ясной какуюнибудь туманную комету было бы радостной задачей для нашего Виланда; вообще, когда подумаешь о вѣчности такого мірового значенія, то нельзя не признать у монады иного назначенія, кромѣ того, что онѣ принимаютъ со своей стороны участіе въ радостяхъ боговъ, какъ блаженныя сотворческія силы. Имъ ввѣрено становленіе творенія¹⁾. Призваны онѣ или нѣтъ, онѣ сами собою идутъ по всѣмъ дорогамъ, со всѣхъ горъ, со всѣхъ морей, со всѣхъ звѣздъ; кто можетъ удержать ихъ? Я увѣренъ, что я, тотъ самый, что передъ вами, я уже жилъ тысячу разъ и вновь возвращусь еще тысячу разъ.

¹⁾ То есть, его непрестанное развитіе.

— Извините, прервалъ я его въ этомъ мѣстѣ,— я не знаю, можно ли назвать возвращеніемъ возвращеніе, не сопровождаемое сознаниемъ. *Возвращается* вѣдь только тотъ, кто знаетъ, что онъ былъ тутъ раньше. Равно, по вашему, при наблюденіи природы, какъ проблески, привходятъ блестящія воспоминанія о бывшихъ состояніяхъ міра, при которыхъ, можетъ быть, самостоятельно присутствовала ваша монада, но все это основывается только на *можетъ быть*; я желалъ бы, чтобъ мы въ столь важныхъ вопросахъ были бы въ состояніи достигать болшей увѣренности, чѣмъ та, которая достигается при помощи предчувствій и тѣхъ проблесковъ генія, которые порой освѣщаютъ темную бездну творенія. Не ближе ли мы достигнемъ цѣли, предположивъ въ центрѣ творенія полную любви главную монаду, которая пользуется всѣми подчиненными ей монадами всей вселенной, подобно тому и въ томъ же родѣ, какъ наша душа заставляетъ служить себѣ подчиненныя ей мелкія монады?

— Разсматривая такое представленіе, какъ предметъ вѣры, я ничего противъ него не имѣю, сказалъ Гете;—но я стараюсь не придавать рѣшающаго значенія тѣмъ идеямъ, въ основѣ которыхъ нѣтъ чувственнаго воспріятія¹⁾. Да, еслибъ мы знали

¹⁾ Подобнымъ же образомъ, изгоняя изъ науки теорію конечныхъ причинъ, какъ ложный законъ, Гете принималъ его въ жизни, какъ *вѣрное чувство*. «Критическій разумъ», говоритъ онъ, «устранилъ телеологическое доказательство бытія Божія; мы принимаемъ этотъ приговоръ. Но то, что не имѣетъ цѣнности, какъ доказательство, сохраняетъ ее какъ чувство; такъ, мы вновь призываемъ къ себѣ благочестивыя доказательства, по которымъ все, отъ грома до снѣга, указываетъ на бытіе Божіе. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можемъ мы не признать

хорошо свой мозгъ и его связь съ Ураномъ, и тысячеобразныя перекрещивающіяся нити, по которымъ проходитъ и возвращается мысль!.. Теперь же мы замѣчаемъ проблески мысли только въ тотъ моментъ, когда они проявляются. Мы знаемъ только ганглии, мозговые узлы; о сущности же мозга мы почти что ровно ничего не знаемъ. Какъ мы можемъ знать что нибудь о Богѣ? Дидро много хулили за то, что онъ гдѣ-то сказалъ: «если Бога еще нѣтъ, то, можетъ быть, онъ еще будетъ» ¹⁾. Но на основаніи моихъ воззрѣній на природу и ея законы, можно же представить себѣ планеты, гдѣ высшія монады уже покончили свое существованіе или гдѣ еще не раздавалось человѣческое слово. Требуется извѣстное расположеніе свѣтилъ, которое, правда, встрѣчается не часто, для того, чтобъ вода испарилась и земля высохла. Какъ есть планета, гдѣ живутъ люди, такъ могутъ быть планеты, гдѣ живутъ только рыбы, или птицы. Я какъ-то въ одномъ изъ прежнихъ разговоровъ съ вами назвалъ человѣка первой бесѣдой Бога съ природой. Я не сомнѣваюсь, что на другихъ планетахъ эта бесѣда можетъ быть выше, глубже и разумнѣе. Намъ пока для этого не достаетъ еще тысячи знаній. И во-первыхъ намъ не достаетъ—самопознанія; а за нимъ и многого другого. Говоря строго, я могу знать о Богѣ не болѣе того, что

присутствія верховной силы въ молніи, громѣ, бурѣ!.. Какъ не чувствовать близости любящаго насъ существа въ благоуханіи цвѣтовъ, въ шепотѣ ласкающаго вѣтерка?» (Мысли).

¹⁾ Изъ нижеслѣдующаго явствуетъ, что Гете объясняетъ это странное выраженіе въ томъ смыслѣ, что до появленія человѣческаго слова, то есть сознанія, на данной планетѣ нѣтъ понятія о Богѣ.

Д. А.

дозволяетъ мнѣ довольно ограниченный на нашей планетѣ кругъ чувственныхъ воспріятій, а этого во всѣхъ отношеніяхъ мало.—Но изъ этого не слѣдуетъ, что, благодаря ограниченности нашего наблюденія природы, полагаются предѣлы и нашей вѣрѣ. Напротивъ, при непосредственности въ насъ божественныхъ чувствъ, весьма можно предположить, что наука на такой какъ наша планетѣ, насильственно оторванной отъ своей связи съ солнцемъ, является только въ видѣ отрывка; наблюденія, всѣ вообще и каждое въ отдѣльности, остаются не полными, и восполняются только при помощи вѣры. Уже изучая теорію цвѣтовъ, я имѣлъ случай замѣтить, что существуютъ первичныя явленія, божественную простоту которыхъ не слѣдуетъ разрушать и повреждать бесполезными разысканіями, а слѣдуетъ предоставить ихъ вѣрѣ и разуму.—Будемъ же мужественно подвигаться съ обѣихъ сторонъ, но станемъ въ то же время строго различать одну отъ другой. Не станемъ доказывать то, чего и доказать нельзя! Иначе, рано или поздно, въ нашей такъ называемой научной дѣятельности для нашихъ потомковъ обнаружится наша собственная несостоятельность. Гдѣ достаточно науки, тамъ нѣтъ нужды въ вѣрѣ; но тамъ, гдѣ знаніе оказывается безсильнымъ или недостаточнымъ, мы не должны оспаривать правъ вѣры. Какъ скоро исходишь изъ положенія, что наука и вѣра существуютъ не ради того, чтобъ уничтожать другъ друга, но для того чтобъ другъ друга восполнять, то вездѣ сумѣешь найти справедливое.

Было уже поздно, когда я ушелъ отъ Гете. Прощаясь, онъ поцѣловалъ меня въ лобъ, чего раньше никогда не дѣлалъ. Я хотѣлъ спуститься по темной

лѣстницѣ; но онъ не дозволилъ мнѣ этого, и удержалъ за руку, пока не позвонилъ, чтобъ мнѣ посвѣтили. Въ дверяхъ онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я берегся и остерегался суроваго ночного воздуха. Я никогда ни раньше, ни позже не видалъ Гете въ такомъ мягкосердечномъ настроеніи, какъ въ день похоронъ Виланда. Нынѣшній его разговоръ можетъ послужить ключемъ ко многимъ, какъ парадоксальнымъ, такъ и достолюбезнымъ сторонамъ его характера, который часто понимается столь превратно.

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ *).

А

- Авекенъ, Бериг. Руд., II, 87 *и прим.*
 Авраамъ, при ц. св. Клары, II, 367.
 Агнеса-Бернауеринъ, графа фонъ-Торинга, II, 336.
 Адамъ, II, 7, 96, 97, 270, 283.
 Актеръ, I, 44, 45, 123, 129, 173, 174, 178, 179, 183—185, 316—319, II, 108, 181, 187—189, 170, 241, 245.
 Александра Оеодоровна, императрица, I, 10,
 Альдоврандинская свадьба, I, 31 *и прим.*
 Амперъ, Жанъ Жакъ, I, 342, 343, 344, 348, 349, 354 *и прим.*
 Английская исторія, какъ матеріалъ для поэзіи, I, 211, 212, II, 336.
 Английскіе критики, II, 11, 12, 21, 104, 105, 125.
 Английскій парламентъ, I, 105, 106 *и прим.*, II, 9, 164.
 Английскій языкъ и литература, I, 33, 34, 64, 69, 70, 91, 124, 125, 135, 136, 139, 347.
 Английскіе епископы и церковь, II, 231, 274 *и прим.*, 275, 277—279 *и прим.*
 Англичане, I, 116, 135, 138—139, 160, 245, II, 76, 204, 221.
 Англемскій, Луи Антуанъ де-Бурбонъ, герцогъ, I, 92.
 Анна амалія, герцогиня Саксенъ-веймарская, I, 76, II, 141, 200.
 Антиципация у поэтовъ, I, 99, 100, 101—103 *въ прим.*, у живописцевъ, II, 191.
 Античная вещь, II, 23.
 Аристократія и демократія, I, 37, II, 12.

*) Римскія цифры, I, II, означаютъ первый или второй томъ этого сочиненія, арабскія—страницы тома.

- Аристократія, особая, благочестивыхъ людей, I, 95.
 Аристотель, I, 315, II, 13, 14 *въ прим.*, 64, *въ прим.*, 89.
 Ариосто, I, 91.
 Ариика, I, 7.
 Арио, Люсьенъ Эмиль, II, 240.
 Аридтъ, Эрнестъ Морицъ, II, 263.
 Ариимъ, сынъ г-жи фонъ-Ариимъ, II, 403.
 Арторія, книгопродавецъ, II, 151.
 Архитектура, I, 35. II, 60, 142, 143, 155, 332.
 Астрономія, I, 299, II, 84, 116.
 Ахиллъ, у Гомера, II, 4, 245.

Б

- Базедовъ, Иог. Бериг., II, 358.
 Байронъ, Джорджъ-Нозль Гордонъ, лордъ, I, 11, 33, 62, 88, 100, 127, 136, 146, 147, *и прим.*, 154, 155, 158 — 160, 210, 211, 219, 220, 229 *и прим.*, 230, 231, 234—237, 272, 275, 357, II, 3, 5, 19, 70, 134, 217, 248, 260, 265, 335, 341.
 — Бешпо, I, 235.
 — Вернеръ, I, 11, 229, *въ прим.*
 — Deformed Transformed, см. Преображенный уродъ.
 — Донъ-Жуанъ, I, 91, 127, II, 3.
 — English Bards, I, 157.
 — Каинъ, I, 88, 357.
 — Манфредъ, I, 11.
 — Марино-Фольеро, I, 154, 229, *въ прим.*, II, 260.
 — Преображенный уродъ, I, 148, 234, 236, 237.
 — Сарданапалъ, I, 11.
 — Страшный судъ, I, 127.
 — Фоскари, I, 231, II, 4.
 Балланшъ, Пьеръ Симонъ, II, 256.
 Балзакъ, Гонорій-де, II, 256.
 Барометръ, I, 13, 109, 326—328, II, 282 *и прим.*
 Бейльвицъ, фонъ, полковникъ, II, 337.
 Бейтеръ, декораторъ, II, 245.
 Бекеръ, Гейнрихъ, I, 96.
 Бентамъ, Иеремія, II, 233, 234, 273.
 Беранже, Пьеръ Жанъ, I, 13, 251, 276, 280, 287, 288. 344, 348, 349, 355 *въ прим.*, 159, 194, 260—262, 334.
 Берка, поѣздка въ, II, 22—25.
 Берлинъ, I, 17, 59, 63, II, 231, 357.
 Беръ, Михаилъ, авторъ Парія, I, 89 *въ прим.*, 137.
 Бетманъ, банкиръ, II, 194.
 Бетховенъ, Лудвигъ-фонъ, I, 3, II, 33, 311.
 Бѣхтольсгеймъ, Юлія Августа Христина, фонъ, II, 289.

- Биеля, II, 280 *въ прим.*, 306, 307, 389—393.
 Биньонъ, Луи Пьеръ Эд., баронъ, II, 222.
 Благо, общее и частное, II, 294—296.
 Благодать и доврыя дѣла, I, 356, 357.
 Блюхеръ, Гебгартъ Леберехтъ фонъ, I, 132, II, 182.
 Блюменбахъ, Иог. Фридрихъ, I, 3 *и прим.*, II, 293.
 БОГЕМСКІЕ ЛИТЕРАТОРЫ, II, 168.
 БОГЕМСКІЯ ШКОЛЫ, I, 356.
 Богъ, божественное, I, 68, 79, 82, 215, II, 54, 55, 66, 67, 115, 146, 203, 292, 293, 320, 321, 329 — 331, 335, 350 *въ прим.* 368, 369, 370, 190, 192, 304, 305, 406, 414, 415.
 Бомарше, Пьеръ Огюстенъ Коронъ-де, II, 189, 190, 349, 350.
 Бонапартъ, Жеромъ, II, 310.
 Бонапартъ, Летипія, II, 310.
 Бонапартъ, Луціанъ, II, 63.
 Боннъ, I, 128.
 Ботаника, I, 88, 126, 196—200, 297, 298, 333—335, II, 94, 227, 294, 375.
 Браунъ, граверъ, I, 89 *и прим.*
 БРЕМЕНСКАЯ ГАВАНЬ, II, 140.
 Брилъ, Павелъ, II, 198 *и прим.*
 Бристоль, лордъ-епископъ Дербійскій II, 277—279.
 BRIGNELLA, II, 241.
 БРОЖЕНІЕ, II, 376 *въ прим.*
 Буассера, Сульпицій, II, 247, 376 *въ прим.* 384.
 Бухъ, Леопольдъ, фонъ, II, 145, 166.
 Будущая жизнь, I, 94—96, 98, II, 136, 404—416.
 Бумажные деньги, II, 215, 242.
 Бургау, II, 45, 46.
 Бурвоны, I, 92, 349.
 БУРРІЕННЪ, Фовле де, II, 176, 178.
 БѢРИМЪ, Эрнстъ Вольфгангъ, II, 223—225.
 БѢРНСЪ, I, 347, 348.
 БЮРГЕРЪ, Готфр. Августъ, I, 206, 348.
 БЮРИ, Фридрихъ, II, 201.
 БЮТТНЕРОВА БИБЛИОТЕКА, II, 267.
 БЬЮМОНЪ и ФЛЕТЧЕРЪ, I, 70.

В

- ВАРВАРСТВО, II, 351.
 Ватто, I, 97 *въ прим.*
 ВАЛГАЛА, I, 300.
 ВАЛЬДНЕРЪ, фонъ, II, 238.
 ВЕРОНЕЗЪ, Поль, II, 309.
 ВЕРНЕ, Орасъ, II, 351.
 ВЕЙССЕНТУРНЪ, г-жа, фонъ, I, 44.

- Белингтонъ, герцогъ, I, 132, 226, 227, II, 75.
 Бернеръ, I, 298.
 Бевберъ, Карлъ Марія, I, 166, II, 82, 99.
 Веймаръ, I, 22, 23, 187, 289, II, 77.
 VILLA LUDOVISI, II, 179, 182.
 VILLA DI MATTA, II, 179, 182, 201.
 Винкельманъ, I, 1 *въ прим.* 206, 301, II, 7.
 Виньи, Альфредъ, де, II, 256.
 Винчи, Леонардо да I, 240, II, 128.
 Винтенбергъ, актеръ, II, 139.
 Вино, II, 69 *и прим.*
 Вильментъ, Абель Франсуа, II, 148, 159, 164, 232.
 Виландъ, I, 42 *прим.* 61, 151, 167 *въ прим.* 206, 325, II, 245,
 253, 397, 404, 405, 412, 416.
 Виртембергскій, король, II, 375.
 Виртуозы, I, 162.
 Виргилій, II, 336.
 Вкусъ, I, 97.
 Вольтеръ, I, 3 *въ прим.* 75, 77, 345, II, 90, 132—135, 145, 149,
 211, 218, 255, 265, 279 *въ прим.* 350,
 Водовозъ, опера, II, 99.
 Волшебный стрѣлокъ, опера, I, 112, II, 99.
 Воды, жизнь на, I, 83, 84, II, 377.
 Возмужалость, вторая, II, 64.
 Воображеніе, II, 212, 228, 229.
 Вольфъ, Оскаръ, Людв. Берн., импровизаторъ, I, 221—223.
 Вольфъ, Пій Алекс., актеръ, I, 123, 170, 173, II, 108.
 Вольфъ, Амалія, актриса, II, 212.
 Вольфъ, Фридр. Авг., филол. I, 62, 118, 119 *и прим.* 300.
 Всеобщая газета, II, 187.
 Вулканисты и нештунисты, 125.
 Впечатленія юности, II, 198.
 Вѣра, I, 121, 214, 215, 300, 329, 330, II, 305, 307, 328, 329,
 330, 341—343, 368, 369, 391, 392, 413, 415, *ср.* Религія.
 Вѣрность природѣ, I, 209, 210, 338, 339, II, 109—111.
 Бюрцъ, *см.* Трейтель.

Г

- Гакертъ, Фил. II, 191.
 Гафизъ, I, 280.
 Гатнъ, Шарлота, II, 81, 82.
 Газеты и журналы, I, 12, 71, 93, II, 128, 246 *и прим.*, 252,
 385 *въ прим.*
 Газели, I, 57, 58.
 Гагенъ, Августъ, I, 25.
 Галльская, литер. газета, I, 169.

- Гастроли, I, 89.
 Гаманъ, Йог. Георгъ, I, 325, II, 56 и прим. 149.
 Гегель, I, 304, II, 56, 135, 149, 203.
 Гейне, Генр., II, 265.
 Гельголандъ, II, 317.
 Гельвецій, II, 278 *въ прим.*
 Геннингъ, II, 291.
 Генасты, II, 137 и прим. 138, 139.
 Гендель, (*Мессія*), I, 118, II, 143.
 Генингаузенъ, II, 88.
 Геніальность, геній, II, 60—62, 64, 374, 387.
 Геология см. минералогія.
 Геммы античныя, I, 89.
 Гемма von Art, трагедія, II, 272.
 Гейгендорфъ, Каролина, фонъ, урожд. Лгеманъ, I, 9 и прим. 10, 123.
 Гергардъ, Вильг. Христ. Варухъ, переводчикъ сербск. пѣсень, I, 284, 285.
 Гердеръ, I, 42 *въ прим.*, 61, 129—131 151, 325, II, 200, 411.
 Геркулесъ, II, 283, 287.
 Гершель, Фридр. Вильямъ, II, 298.
 Гете, отецъ, Йог. Касп., II, 140, 354.
 — мать, Катер. Елиз., II, 141, 235.
 — сестра, Корнелія, II, 229, 355, 356.
 — сынъ, Юлій Августъ Вальтеръ, фонъ, I, 2, 4, 7, 10, 20, 31, 60, 86, 260, 262, 336, 337, 356, II, 82, 215, 235, 255, 269, 281, 290, 296, 297.
 — невѣстка, Отилія, ур. фонъ Пигвицъ I, 2, 4, 7, 9, 10, 15 и прим. 31, 33, 60, 61, 62, 64, 175, 184 *въ прим.*, 185 *въ прим.* 192, 193, 229, 230, 238, 356, 260, 261, 262, 356, II, 84, 91—93, 98, 101, 235, 243, 288, 299.
 — внукъ, Вальтеръ Вольфгангъ, I, 15 и прим. 33, 60, 358, II, 84, 284, 307.
 — внукъ, Вольфгангъ Максимилианъ, I, 15 *въ прим.* 358, II, 16.
 — внучка, Альма, I, 184 *въ прим.*
 — государевъ холопъ, I, 189.
 — домъ, I, 14, 15, 30, 31, 85, 109, 110, 138, 170, 201, 260, 273, 355, II, 281, 294.
 — другъ существующаго порядка, I, 81—83.
 — завѣщаніе, II, 364—366.
 — какъ директоръ театра, I, 149, 154, 170—175, 177—181, 183—185, 191, 224, 225, 233, 234, 245, 246, II, 137 и 138 *въ прим.*
 — какъ поэтъ, I, 55, 99, 101, 115, II, 5, 140, 142, 167, 174, 271, 263—266.
 — какъ чтець, I, 4, 5, 115.
 — коллекціи, II, 6, 88, 256, II, 2, 3, 83, 84, 161.
 — личность, I, 5, 6, 7, 8, 9, 15—17, 29, 30, 40, 41, 42, 50—

- 52, 55—57, 67, 68, 92, 96, 106, 110 *въ прим.* 111, 122, 128, 130, 137, 142, 181—182 *въ прим.*, 186, 202, 229, 342, 354 *въ прим.*, II, 1, 24, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 39 *въ прим.* 41—44, 64, 81, 83, 85—88, 98, 103, 107, 108, 112, 113, 119, 120, 140, 141, 145, 153—155, 168, 190, 238, 243, 244 *и прим.* 273—280, 285, 286, 290, 291, 293, 297, 298, 299, 344 *и прим.* 352, 362, 363, 376—378, 379, 385 *въ примѣч.*
- мѣстожителство въ Римѣ, II, 182.
 - о популярности своихъ сочиненій, I, 348, II, 105, 106.
 - о своемъ дворянствѣ, II, 32.
 - свиданіе съ Наполеономъ, I, 72, 74—78, II, 178.
 - о своей должностной дѣятельности, I, 84, II, 266—269.
 - отношенія къ Шиллеру, I, 149—154, 170, 173, 174, 233, 244, 270—272, 332, 351, II, 32, 33, 37, 38, 44, 45, 127, 156, 157, 158, 255, 256, 367.
 - портреты, I, 109, II, 80, 81.
 - политическія воззрѣнія, I, 80—83, 93, 188, 189, 400—403.
 - планъ новаго театра, I, 176, 177, 182, 190.
 - почеркъ, II, 229, 361.
 - рисунки перомъ, II, 229, 230.
 - рукописи, II, 229, 230, 257.
 - садъ, I, 107—111.
 - состояніе и гонораръ, II, 145, 146, 293.
 - сочиненія и письма:
 - Ахиллеида, II, 255.
 - Братъ и сестра, II, 65, 229.
 - Боги, герои и Виландъ, I, 105.
 - Великій Коптъ, II, 147, 312.
 - Вильгельмъ Мейстеръ, I, 34, 149, 150, 164, 168, 218, 219, II, 105, 156.
 - Вертеръ, I, 34, 64, 71—73, 74, 75, 84, 207, 228, 343, II, 59, 165, 178, 194, 230, 277—279, 280.
 - Волшебная флейта, II часть, I, 11.
 - Генералъ-гражданинъ, II, 130, 131, 138.
 - Гетцъ фонъ-Берлихингенъ, I, 84, 99, 126, 228, 232, II, 18, 126, 157, 229, 230, 252, 336.
 - Германъ и Доротея, I, 54, 149, 249, 257, 271, 286, II, 139, 344 *въ прим.*
 - Годы странствія, I, 86, 164, 255, 256, 271, 356, II, 138, 144, 147, 155, 365, 366, 367.
 - Дилеттантизмъ, о,
 - Диванъ, I, 78, 255, II, 66, 69.
 - Драмы, въ переводѣ Стаффера, I, 342.
 - Евгенія (Незаконная дочь), I, 152.
 - Итальянское путешествіе, I, 241, II, 155, 190, 230. Второе пребываніе въ Римѣ, II, 190, 195, 247.

- Искусство и Древность, I, 19, 20 *въ прим.* 21, 25, 48, 50, 57, 58, 87, 284, II, 33, 247.
- Ифигенія, I, 180, 289, 316—319, II, 139, 283.
- Карнаваль, римскій, II, 229.
- Клового, I, 234, II, 65, II, 102, 189.
- Клодина, II, 167, 181.
- Междучелюстная кость, о, I, 293.
- Избирательное сродство, I, 34, 114, 277, 278, 283, 353, II, 139, 140, 246.
- Метаморфоза растений, I, 297, 332, II, 83 *въ прим.* 195, 316, 326, 345, 355.
- Мысли, II, 363, 366, 397 *въ прим.* 414 *въ прим.*
- Мятеежники, I, 80.
- Новелла, I, 256—258, 267—270, 279, 283, 292, II, 339, 341.
- Письма, два, изъ Страсбурга, II, 194.
- Письмо къ полковнику Бейльвицу II, 337.
- Письма Пастора, I, 105,
- Пандора, I, 34.
- Племянникъ Рамо, I, 10, 64, 153.
- Превышаніе въ Карлсбадъ 1807 г., II, 313.
- Путешествіе по Швейцаріи въ 1797 г., I, 38, 46.
- Правда и поэзія, I, 83, II, 39 *въ прим.*, II, 223 *въ прим.*, 249, 250, 299, 327, 358.
- Рецензіи во Франф. учен. изв. I, 18, 19, 21.
- Свадьба Гансвурста, II, 333.
- Сочиненія неизданныя, 366.
- Стихотворенія, I, 62, 90, 91, 94, 187, 255, 353, II, 7, 80, 84, 125, 126, 142, 180, 366, 380. Амуръ, своевольный *и прим.* II, 167, 171, 172, 181. Алексисъ и Дора, I, 217, 218. Баллады, II, 257. Баллада о графахъ, II, 130. Военное счастье, I, 62, SOODMANN A., 136. Дядь Кроносу, II, 30. Ильменау, II, 119, 120. Коринѣская невеста, II, 256. Ксенія, I, 149, 151. Мариенбадская элегія, см. трилогія страсти. Паря, I, 49, 87, II, 380. Рыбакъ, I, 46. Сомѣстіе въ адъ, I, 227. II, 275. Счастливые супруги, II, 130. Телль (замыселъ). 350, 351. Трилогія страсти, I, 39, 40, 53, 54, 57 *въ прим.*, II, 380, 381. Хоронъ, I, 4.
- Тассо, I, 9, 141, 175, 180, 343, 349, 352, II, 139.
- Теорія цвѣтовъ, I, 12, 168, 242, 243, 244, 293, 296, 297, 298, II, 147, 152, 153, 154, 344, 365, 382, 388.
- Ученіе о звукѣ, I, 297.
- Ученіе о цвѣтахъ см. Теорія цвѣтовъ.
- Фаустъ I, часть, I, 11, 34, 101, 147, 148, 223, 236, 237, 254, 305, 343, 352, 353, II, 129, 156, 193, 218, 284.
- Фаустъ II часть, I, 160, 161, 255, 281, 351, II, 33, 34, 66, 148 *въ прим.*, 207, 208—210, 212—215, 216, 217, 236, 255, 299, 303, 305, 306, 314, 315, 363, 369—371. Бумажные деньги, II, 214, 215. Елена, I, 255, 259, 281, 282, 349, II, 5, 209,

- 210, 271, 323. Кабинетъ Фауста, II, 25. Классическая Вальпургиева ночь, I, 258, 226, 235, 243, 246, 253, 282, 315, 322. Маскарадъ, 213. Матери, 218—221.
 — Фаустъ, музыка къ, I, 282, II, 143.
 — Фаустъ, переводъ Жерара II, 217.
 — Челлини, I, 143, 149.
 — Цикль двѣнадцати библейскихъ фигуръ, II, 270, 271, 283, 284.
 — Эгмонтъ, I, 81, 141, 142, 148, 153, 290, II, 151, 152.
 — Эврипида Фаэтонъ, переводъ, I, 5, 291.
 — переписка съ Цельтеромъ, I, 59 *въ прим.* 186, 316 *въ пр.* II, 246 *въ прим.* 374 *въ прим.*
 — письма къ Эккерману, I, 21, II, 298.
 — противники и порицатели см. Противники, Порицатели.
 — смерть, II, 385, 403.
 — стремленіе къ пластическимъ искусствамъ, I, 163, 165 *и прим.* 167, II, 157.
 Гетлингъ, Карлъ Вильг., II, 98 *и прим.* 99, 271.
 Герани и пеларгонія, II, 225.
 Гинрихсъ, 303 *и прим.* 304—308.
 Гизо, Франс. Пьеръ Гилльомъ, II, 148, 159, 164, 165, 172—174, 194, 231, 232.
 Гипсовые слѣпки, II, 6, 254, 256.
 Гиртъ, Алонзій, II, 201.
 Гленкъ, Карлъ, солепромышленникъ, II, 222.
 Глобусъ, старинный, I, 12.
 Глобе, Іе, I, 231 *и прим.* 250, 342, 344, 354 *въ прим.* II, 15, 93, 103, 109, 231, 240, 246, 252.
 Гоголь, II, 157 *въ прим.*
 Гольбейнъ, II, 60.
 Гольдсмитъ, Оливеръ, I, 136, II, 61, 127.
 — Векфильдскій священникъ. II, 302.
 Гольтей, актеръ, I, 354 *и прим.*
 Гомеръ, I, 41, *въ прим.* 202, 204, 300, II, 5, 184, 247.
 — Илиада, I, 219, II, 245.
 Гопъ-офъ-пинки, II, 18.
 Горацій, I, 75, 280, II, 271.
 Горбунъ, И. О. II, 363 *въ прим.*
 Горнъ, мысъ, I, 302.
 Горнъ, Юганъ Дг., II, 194.
 Горнъ, Францъ, I, 134.
 Говвальдъ, I, 31 *и прим.* 154, 156, II, 33.
 Гоцци, II, 240, 241. Comedia dell'arte.
 Готфманнъ, Эрнстъ Теодоръ, I, 135.
 Графъ, актеръ, I, 73.
 Гретхенъ, I, 250.
 Греческая, исторія, I, 131.
 Греческій народъ и поэзія, 346—347.

- ГРЕЧЕСКІЕ МИОНЫ, I, 204.
 ГРЕЧЕСКАЯ трагедія I, 202—205, 290, 295, 303—312, 314, 315, 337.
 Греки, какъ образцы, I, 85, 204, 223, 290, 300, 322.
 Григоровичъ, Д. В., I, 103 *въ прим.*
 Гриммъ, Фрид., баронъ, II, 242.
 Грюнеръ, I, 123.
 Грувость, II, 8.
 Гумбольдтъ, Александръ, фонъ, I, 206, 239, 301, 302, II, 61, 112—114, 385 *въ прим.*
 Гумбольдтъ, Вильгельмъ, фонъ, I, 52, 53, 57, 206, 257 *въ прим.* 270, II, 157.
 Гуммель, I, 4, 45, II, 176, 311.
 Гюго, Викторъ, I, 231, *въ прим.* 250, 251, II, 254, 256, 374 *и прим.* 380—381, 382.
 Гэ, m-lle, I, 276, II, 154.

Д

- Даніилъ, пророкъ, II, 270.
 Данте, Алигизри, I, 124, *въ прим.* 133, 136, II, 110.
 Дарю, I, 74, 76.
 Давидъ, царь, II, 270.
 Давидъ, d'Angers, Пьеръ Жанъ, II, 254, 256, 284.
 Даламберъ, Жанъ ле-Ронъ, II, 350.
 Д'Альтоизъ, Юг. Вильг. Эд. I, 185 *и прим.* 186, 299, II, 293.
 Дальбергеръ, Карлъ фонъ (князь-примасъ), II, 235.
 Дафнисъ и Хлоя, греческ. романъ Лонга, II, 316, 343, 346—349.
 Дворянство, I, 80, 273, II, 32.
 Декорации, II, 192, 245.
 Декандоль, II, 83, *въ прим.*, 378.
 Делакура, Эженъ, I, 238, 239.
 Делавинъ, Казимиръ, I, 250, его Парія, I, 87 *въ прим.*
 Делиль, Жанъ, I, 280.
 Делеро, Эмиль. переводъ, Разговоръ I, XIX, 1, 73, II, 84, *въ пр.*, 350, *въ прим.*
 Демонъ, демоны, II, 58, 70, 79, 115, 158, 160, 207, 208, 374, 389.
 Демоническое, II, 58, 158, 251, 316, 327, 331, 332, 334, 335, 345, 356, 357, 374.
 Дешанъ, Эмиль, II, 254, 255, 256.
 Джонсонъ, Бенъ, I, 70.
 Джонсонъ, Самуилъ, II, 3.
 Диалектика, II, 26, 27.
 Дидро, Денисъ, I, 10, 252, 345, II, 350, 414.
 Диогенъ, II, 397.
 Дилетанты, I, 145, 160, 240, 279, II, 187.
 Длительность ованій, II, 362 *въ прим.*
 Достижимое, I, 327.

- Доменикино, Зампieri, II, 183, 184.
 Дорнбургъ, замокъ, II, 83, 84, 337.
 Драматурги, I, 154, 155, 308, 310, 321, II, 68, 272, 353, 354.
 Древнѣнѣмецкая, архитектура, I, 35.
 Древнѣнѣмецкая жизнь, ея изученіе, II, 89.
 Древнѣнѣмецкіе живописцы, II, 111.
 Древность, ея изученіе, I, 223—322.
 Друзья, II, 136, 137.
 Дуланъ, Роб., I, 131, 193.
 Дунай, его соединеніе съ Рейномъ, I, 106 *и прим.*
 Дувъ, условія развитія его красоты, I, 333—336.
 Дюваль, при, II, 125.
 Дюма, Александръ, II, 311.
 Дюмонъ, II, 226 *и прим.*, 227, 233, 234, 386, 387.
 Дюконжъ и Дино, II, 185 *въ прим.*
 Дюшатель, Маркиза, II, 133.
 Дюпенъ, Карлъ, II, 123.
 Дюганъ, актеръ, I, 173.
 Дюреръ, Альбрехтъ, II, 60, 362.
 Дзверейнеръ, Іоганъ Вольф., II, 45.
 Думать—трудно, I, 90.
 Дѣти, I, 5, 267, II, 77, 150, 280, 281, 285, 301, 310, 311, 332, 333, 368.

Е

- Ева, II, 96.
 Евгений, Наполеонъ, герцогъ Лейхтенбергскій, I, 106.
 Евреи, II, 97, 291, 394.
 Европейцы, I, 74.
 Единства, въ трагедіи, I, 155, 156 *и прим.* 1 и 2.
 Единство, Германіи, II, 122—125.
 Естественныя науки, I, 1, 2, 13, 125, 126, II, 57, 95, 96, 146,
 148, ср. Ботаника, Минералогія, Метеорологія, Природа.

Ж

- Жанетъ, Жюль, II, 256.
 Жанлисъ, m-me, I, 214.
 Жанъ, Поль (Рихтеръ), I, 20, II, 358.
 Женщины, ихъ умъ, I, 68, ихъ талантъ, 143, 145, 216, 224,
 225, 261, II, 4, 93, 111, 155, 212, 216, 217, 356.
 Жераръ, Франсуа, баронъ, I, 260 *и прим.*
 Живопись цвѣтовъ, II, 355.
 Живопись, живописцы, I, 46, 78, 86, 87, 96—99, 163, 165, 166—
 167, 171, 207—209, 239—242, 252—253, 271, 328, 329, 336,
 337—339, II, 2, 3, 32, 81, 106, 136, 137, 171, 172, 183, 184,
 185—187, 198—201, 360, 361, 362, 382—384.

3

- Завлужденія и ошибки, I, 24—28, 135, 212—214, 294, 296, 297, 299, 300, II, 128—129, 185, 308.
 Законодательство, II, 296, 402.
 Запрещенныя пѣсни I, 4.
 Затемненіе и просвѣтленіе духа, II, 58, 59.
 Зекендорфъ, Карлъ Сигизм., баронъ, II, 119,
 Земмерлингъ, Сам., фонъ II, 273, 293.
 Зенонъ, II, 396.
 Зейдель, Доротея, II, 81, 82.
 Знатоки и несвѣдущій, II, 328, 329.
 Зольгеръ, Карлъ Вильг. Фр. I. 276—278.

И

- Идеаль, идеальность, I, 269, 270, II, 4, 12, 137, 156, 186.
 Идея въ поэтическомъ произведеніи, I. 259.
 Иволга, II, 27.
 Изобрѣтеніе поэтическое, I, 87, 155, 290, 291.
 Ильменаускіе рудники, II, 362, 363.
 Импровизація, I, 104, 221, 222.
 Иммерманъ, Карлъ Лебр., I. 60, 61.
 Индивидуальныя черты, ихъ изображеніе, I, 43 и прим., 211.
 Индійская поэзія, I, 342.
 Индійская философія, II, 148.
 Исайя, II, 270.
 Историки, I, 347, II, 164.
 Историческая вѣрность, I, 289—292, II, 16, 17, 289 и прим., I и II.
 История, какъ матеріалъ для художеств. произв., I, 211, 212, 228, II, 15—17, 336.
 Ифландъ, I, 113, 132, 224.

I

- Іаковъ, апостолъ, 270.
 Іена, I, 19, 21, 22—29, 42.
 Іенская, бібліотека, II, 266—269.
 Іисусъ, Сираховъ, II, 389, 391.
 Іоаннъ, апостолъ, II, 270, 392.
 Іовъ, I, 148 и прим., II, 290.
 Іодъ и хлоръ, I, 2.
 Іюльская революція, II, 252, 291.
 Іорданъ, Іог. Людв., фонъ, II, 97.
 Iuno Ludovisi, I, 85.

К

- Каллостро, П, 147.
 Кальдеронъ де ла Барка, Педро, I, 98 и прим., 113, 204, 205, 219, 232, 288, 314.
 — Постоянный принцъ, П, 311.
 Кампе, Иоах. Гейнр., П, 285 и прим.
 Картины, описаны, I, 86, 97, 98, 237—239, 241, 328, 337, 338.
 П, 135, 136, 200, 360.
 Камперъ, П, 293.
 Канингъ, Георгъ, I, 249 и прим., 250, П 10.
 Канова, Антонио, I, 124.
 Кантарини, Симонъ, ученикъ Гвидо, П, 199.
 Кантъ, Эмман., I, 206, 332, П, 149.
 Капернауумскій, сотникъ, П, 270.
 Каподистрия, П, 158, 159, *въ прим.*
 Карлейль, Томасъ, П, 10, 11, 12, 21, 61 *въ прим.*, 104, 105, 362.
 Карраччи, школа, П, 199.
 Карлсвадъ, приключеніе въ, П, 377.
 Карусъ, I, 299, П, 293.
 Карлъ, Великій, I, 106.
 Карлъ X, король французскій, П, 301.
 Карлъ-Августъ, великій герцогъ саксенъ-веймарскій, I, 9 и *въ прим.* 10, *въ прим.*, 77, 169, 189, 259, П, 82, 86, 111—121, 141, 183, 236, 268, 269, 307, 308, 335, 354, 356, 357.
 Карлъ-Александръ, наслѣднй принцъ саксенъ-веймарскій, I, 1, *въ прим.* П, 121, 229, 299, 301, 302, 339, 341, 353, 359, 362, 375.
 Карлъ-Фридрихъ, великій герцогъ саксенъ-веймарскій, П, 121.
 Кастильони, графъ ди, П, 194.
 Категорическій императивъ, I, 275, П, 307.
 Католики, католическая религія, I, 357, П, 164, 165, 166, 175, 390—393.
 Кауфманъ, Ангелика, I, 63.
 Кегли, I, 105.
 Кеплеръ, П, 405.
 Кернеръ, Теодоръ, П, 265.
 Кестеръ, Шарлота, I, 128 и прим.
 Киндъ, Юг. Фридр., П, 91.
 Китайскій романъ, I, 286—288.
 Китайская имперія, I, 287.
 Классики и романтики, П, 22, 109, 159, 168, 210, 257—260, 282, 283, 384.
 Клодъ Лоренъ, Желъ, I, 207, 208, 339, П, 185—187, 193, 198—200.
 Клаурентъ, Гейнрихъ, I, 134.
 Кистенбергъ, Сусанна Кат. дѣвица, фонъ, I, 229.

- Клиномъ вѣта, I, 34.
 Клоштокъ, I, 129, 130, 227.
 Книги и лексиконы, I, 71, 207, II, 199, 200, 227, 280, 384.
 Книгопродавцы, I, 216.
 Кневель, Карлъ Людвигъ, II, 35, 119.
 Кольбе, Гейрихъ, I, 3 и прим.
 Колумбъ, Христофоръ, I, 301.
 Композиторы, I, 137, 166, 254, II, 166, 167.
 Композиція, I, 43 и прим., 61, II, 373, 247.
 Коноплянки, II, 38, 39, 53.
 Котта, Иог. Фридр., баронъ фонъ-Коттендорфъ, II, 16 и прим., 281.
 Котцебу, Августъ, фонъ, I, 11, 37, 113, 132, 224, 275, II, 37, 80, 295, 312.
 Контрастъ, I, 11, 294—296, 321.
 Корнель, Пьеръ, I, 114, 321.
 Корнелиусъ, Пет. фонъ, II, 247, 248.
 Корреджю, I, 241.
 Красота, въ природѣ, I, 333—336.
 Креатуры, II, 209.
 Креспи, Джузеппе Марія, авторъ *Отрока Иисуса*, II, 2.
 Крейтнеръ Фридрихъ, I, 17 и прим., 46.
 Крестовые походы II, 197.
 Критика и критики, I, 71, 134, 135, 231, 300, 342, 343, II, 6, 10, 11, 12, 104, 105, 106, 159, 169, 240, 303, 310, 344.
 Крюгеръ, Вильг. актеръ, 316—319.
 Кудръ, Клем. Венцеславъ, I, 4, 10, 12, 176, 237, II, 1, 2, 141, 142, 162—164, 192, 301, 337.
 Кузень, Викторъ, II, 109, 148, 159, 164, 234.
 Кукушка, II, 46—55.
 Куперъ, Джемсъ Фениморъ, II, 215.
 Курье, Поль Луи, II, 336, 337, 341, 348, 349 и прим.
 Кювье, Жоржъ Леоп., баронъ де, II, 232, 292, 372, 384.

Л

- Лагранжъ, II, 142.
 Лазаретная поэзія, II, 22, II, 168.
 Лафонтенъ, I, 144, 355 и прим.
 Лафатеръ, Иог. Каспаръ, II, 147, 148, 221.
 Ламартинъ, Альф. де, II, 250.
 Лоссенъ, Христіанъ, I, 341.
 Ларва, II, 407, 410.
 Ларошъ, Карлъ Авг. актеръ, II, 139.
 Лео, профессоръ, II, 11 и прим., 12.
 Летиція, мать Наполеона, II, 310.
 Лексиконы см. книги.
 Лейхтенбергскій, герцогъ, см. Евгеній.

- Лесаажъ, Алэнъ Рене (*Жиль-Блазъ*), II, 306.
 Лессингъ, Готт. Эфраимъ, I, 150, 151, 203, 206, 232, 300, 301, 325, 330, 331, II, 60, 353.
 Лейбницъ, Готфр. Вильг. фонъ, II, 249.
 Либералы и роялисты, I, 93, 94.
 Либералы, умѣренные, II, 334.
 Лили, (Анна Елизавета Шенеманъ), II, 249, 250, 251, 355.
 Либретто, I, 11, 137, 166, II, 98, 99.
 Лигницкій, герцогъ, I, 213.
 Ливий, Титъ, I, 299.
 Липсъ, II, 201.
 Литераторы, I, 213, 214.
 Ложныя стремленія, 163, 165, 166, II, 191, 196, 197.
 Логенцо, Медичи, I, 94.
 Лори, Гавриилъ, II, 386.
 Лонгъ, см. Дафнисъ и Хлоя.
 Лопе де Вега, I, 166.
 Ложныя ученія, см. Заблужденія.
 Лоу, Гудсонъ, II, 236.
 Локкартъ, II, 20, 21.
 Лудовикъ XIV, король французскій, I, 233, II, 251, 350.
 Лудовикъ I, король баварскій, II, 80, 106 *въ прим.* 179 — 181, 182, 187, 195, 200, 239, 248.
 Лудовикъ, король голландскій, II, 279 *въ прим.*
 Лудентъ, профессоръ, I, 262.
 Луиза, велик. герц. Саксенъ-Веймарская I, 259, II, 85, 236, 238, 242, 243, 244.
 Луиза, королева прусская, II, 105.
 Луиза ульрика, принцесса прусская, королева шведская, II, 133.
 Лука, апостолъ, II, 391.
 Лукреція, I, 213.
 Лукъ и стрѣлы, I, 193—202.
 Лютеръ, Мартынъ, I, 6, 82, 123, II, 60 393.

M

- Магдалина, II, 270, 271.
 Магнитическія таинственныя силы въ человѣкѣ, II, 39, 41—44, 74, 179.
 Магометанская система философіи, I, 329—331.
 Малиновки, II, 368.
 Манера, манерность, I, 104, 223.
 Майковъ, А. Н., I, 111 *въ прим.*
 Магометъ, II, 307.
 Макулатурный листокъ, II, 313.
 Малиновки, II, 53, 368, 369.
 Манцони, Александръ, I, 289, II, 10, 12—17, 210, 211.

- Мариенбадъ, I, 18, 21, 55, 106.
 Мария Павловна, великая княгиня и великая герцогиня I, XV,
 1 *въ прим.*, 8 и *прим.*, 54, II, 122, 325, 338, 244, 299, 352,
 353, 359.
 Мария Шарлота Амалия, герцогиня саксенъ-мейнингенская, II, 31, 32.
 Мария Луиза Александрина, принцесса саксенъ Веймдоская, I, 358
 и *прим.*
 Маро, Клементій, I, 11 и *прим.*
 Марлоу, Христ. I, 70, 148 *въ прим.*
 Марцусъ, Карлъ Фрид., фонъ, II, 94 и *прим.* 96, 97, 227, 228,
 229, 355.
 Маркъ, апостолъ, II, 391.
 Массингеръ, Фил., I, 70.
 Маттиссенъ, Фридр. фонъ, I, 288.
 Мгновеніе, его значеніе, I, 47.
 Малькольми, актеръ, II, 131.
 Медвинъ, Томасъ (*Разговоры съ Байрономъ*), I, 147, 148 *въ*
прим. 230.
 Медемъ, Иог., графъ и графиня II, 101.
 Мельниковъ, П. Ив. I, 102, *въ прим.*
 Менандръ, I, 204, 313, 315.
 Мендельсонъ-Бартольди, Феликсъ, II, 351.
 Мериме, Просперъ, I, 276 и *прим.* 345, II, 194, 259, 260.
 — Театръ Клары Газуль, I, 276, II, 312.
 Меркль, Иоганъ Гейнр., I, 131, 150, II, 125, 161, 354, 356, 357, 373.
 Мессинское землетрясеніе, I, 52, II, 164.
 Метеорология, I, 13, 108, 109, 326—327, II, 147.
 Мейерберъ, Джакомо, I, 282, II, 143.
 Мейеръ, изъ Вестфалии, I, 85.
 Мейеръ, изъ Кенигсберга, Эрнстъ, I, 299.
 Мейеръ, Иог. Гейнр., I 1 и *прим.*, 2, 4, 8, 12, 13, 31, 33, 46,
 91, 167 и *прим.*, 301 и *прим.*, II, 174, 175, 183, 200—202, 359.
 Микель Анджело, II, 201, 202, 291.
 Мильтонъ, Джонъ, II, 231.
 Минъ, II: 156 *въ прим.*
 Минералогія и геологія, I, 63, 298, II, 145, 146, 166, 326.
 Миланскій епископъ, II, 165, 166.
 Миронова королева, II, 369.
 Мираво, Гонор. Габр., графъ, II, 387—390.
 Мировая литература, I, 288, II, 12.
 Молодость, молодежь, I, 132, 267, II, 59, 62, 63, 64, 65, 70, 137,
 203, 206, 207, 293, 348.
 Мольеръ, I, 191, 205, 224, 232, 312—314, 315—317 *въ прим.*,
 322, 345, 355 *въ прим.*, II, 265.
 Монада, II, 249, 406—416.
 Моравія, I, 213.
 Мосгеймъ, Иог. Лор. фонъ, I, 6.

- Мотивировка въ драмѣ, I, 152, II, 368.
 Модартъ, I, 11, 42 *см. прим.*, 240, 172, II, 70, 106, 207, 234, 311, 395.
 Мойссей, II, 55, 95, 270, 271, 290.
 Мужественность, II, 309.
 Музеусъ, II, 10.
 Музыка, I, 45, 46, 118, 126, 162, 254, 255, II, 94, 95, 98, 99, 155, 181, 311.
 Муццй Сцевола, I, 213.
 Мюллеръ, Фридрихъ, фонъ, канцлеръ, I, 3 *и прим.*, 13, 31, 47, 52, 74—78, 136, 261, II, 7, 8, 10, 182, 210, 211.
 Мюнстеръ, графъ, 200.
 Муръ, Томасъ, I, 136.

Н

- Наблюденіе и поэзія, I, 271, 272.
 Наблюдательность и ученость, I, 125—127.
 Наивность въ искусствѣ, I, 89, 90.
 Наивная и сантиментальная поэзія, I, 53, II, 283.
 Намѣреніе въ природѣ, I, 101 *и прим.*, 333, II, 111.
 Намѣренія у художниковъ, I, 31.
 Ненависть и презрѣніе, II, 312.
 Наполеонъ Бонапартъ, императоръ, I, 63, 72, 74—78, 92, 106, 123, 161, 227, 250, 252, 261, 262, 321, II, 61, 62, 63, 64, 70, 158, 165, 169, 170, 176—178, 182, 207, 221, 236 *и прим.* 237, 255, 261, 279, 310, 331, 348, 400.
 Натура, I, 136 *и прим.*
 Народъ, I, 187, II, 75, 76, 398, 399.
 Наслѣдство отъ предшественниковъ, I, 123.
 Настроеніе, во время творчества, II, 181, 211, 212.
 Настоящее, его значеніе для поэта, I 24, 26, 44.
 Національная ненависть II 265, 266.
 Нейрейтеръ, Евгеній, II 361, 362.
 Нессъ фонъ-Эзенбекъ, Христ. Готфр., I, 137.
 Нивелунги, I, 288, II, 159.
 Нибургъ, Барт, Георгъ I, 297, 360.
 Нравственность I, 319—322.
 Ной, II, 270, 283.
 Нэтгегартъ, Иод. Як., II, 109.
 Ньютонъ, Исаакъ, I, 66, 67, 79, 296, II, 128.
 Нѣмая изъ Портучи *см.* Фенелла,
 Нѣмецкая живопись, во времена Гете, I, 240, 241.
 Нѣмецкая исторія, какъ матеріалъ для поэзіи, I, 228. II, 336.
 Нѣмецкая культура, ея бѣдность, I, 347, 348.
 Нѣмецкая литература, I, 69, 129, 132, 214, 225, 226. II, 125, 150, 168, 253, 264, 265, 304.

- Нѣмецкіе романисты, I, 12.
 Нѣмецкія народныя пѣсни, I, 347.
 Нѣмецкій писатель—нѣмецкій мученикъ, II, 265.
 Нѣмецкая молодежь I, 23, 132, 225, II, 77, 78.
 Нѣмецкій партикуляризмъ, II, 91, 92, 173, 174, 263.
 Нѣмецкая философія, I, 304, 305. II, 149.
 Нѣмецкіе художники въ Римѣ. II, 201, 202, 351, 352.
 Нѣмецкій языкъ, I, 139, 140, 305. II, 371, 372.
 Нѣмцы, I, 113, 139, 352. II, 9, 77, 126, 064, 173, 174, 204.

О

- Обезьяны и попугаи у владѣтельныхъ особъ, II, 7,
 ОБРАЗОВАНИЕ, его многосторонность и предѣлы, I, 164—167;
 его источники, II, 127, 134.
 ОБСТАНОВКА, житейская, I, 262, 263. II, 155, 156, 294, 332, 352.
 ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, ихъ изображеніе, I, 43, 211, 221—223.
 ОБЩЕНІЕ съ великими умами, I, 78, 205, 218, 312.
 ОБЩЕСТВО, его посѣщеніе, 119—121.
 Оверъ, II, 61.
 Окенъ, Лор. II, 293.
 ОЛЬДЕНБУРГСКІЕ, принцы, II, 98.
 Опытъ, I, 100, 101. II, 223.
 ОРГАНИЗАЦІЯ художниковъ, II, 211.
 ОРНИТОЛОГІЯ, I, 109. II, 25—29, 32, 46—55, 368, 369.
 ОРИГИНАЛЬНОСТЬ и вліяніе, I, 147—148, 205, 206. II, 127, 128,
 160, 161, 173, 193, 203, 387—389.
 Оспа, II, 317.
 Остаде, Адріанъ, II, 116, 171.
 Островскій, А. Н. I, 103, въ прим.
 Отрокъ Іисусъ, картина см. Креспи.
 Очки, II, 286—287.
 Ошибки, см. Заблужденіе.

П

- ПАВЕЛЬ, апостолъ, II, 270, 392, 220 (цит.)
 ПАВЗАНІЙ, II, 13.
 ПАЛЕСТИНА, II, 307.
 ПАНАМСКІЙ, перешеекъ, I, 302.
 ПАНКУКЪ, г-жа, I, 263 и прим.
 ПАГАНИНИ, Николо, II, 332.
 ПАРИЖЪ, какъ умственный центръ, I, 345, 346
 ПАРРИ, майоръ, I, 211.
 ПАТРИОТИЗМЪ, II, 401, 402.
 ПЕДАНТИЗМЪ, мнимое, II, 232.

- ПЕТРЪ, апостолъ, II, 270, 305, 307, 392.
 ПЕЙЗАЖЪ, I, 86, 87, 121, 207, 210, 328, 329, 337—339, II, 185—187, 198—200, 246, 309, 383.
 ПЕРВОВЛЕНІЕ, I, 333, II, 129, II, 146, 149, 150, 319, 325.
 ПЕТЕРБУРГЪ, I, 137, II, 197.
 ПЕТРЪ Великій, II, 60, 197, 335.
 ПЕЙЦЕРЪ, Гейнр. Карлъ, I, 3 и прим.
 Пиль, II, 200.
 ПИСЕМСКІЙ, А. О. I, 103 *въ прим.*
 ПІЕТІСТЫ, II, 114.
 ПЛАТЕНЪ, Августъ графъ, фонъ, I, 57, 110, 113, 114, 220, II, 265, 304.
 ПЛАТОНЪ, II, 128.
 ПЛУТАРХЪ, I, 131, 221, II, 219.
 ПРЕДЗНАНІЕ, см. антиципація.
 ПРЕДѢЛЪ знанія, I, 215, II, 146, 149, 413—415.
 ПЯТИЦЪ, ульрика, фонъ, I, 33, 60, 62, 175, 192, 193, 238, 356, II, 81, 83.
 ПОЛЕЗНОСТЬ, ученіе о, II, 320, 321.
 ПОЛЕМИКА, ея вредъ для поэтовъ, II, 304.
 ПОЛИТИКА, I, 92—94, 105, II, 7—11, 178, II, 8—10, 15, 160.
 ПОЛИТИЧЕСКІЯ стихотворенія II, 262, 263, 265, 364.
 ПОЛИТИКА и поэзія, II, 15, 159, 160, 261, 364, 400—403.
 ПОПЪ, Алекс., I, 159, II, 22, 66, 67, 186.
 ПОПУЛЯРНОСТЬ, II, 105—107, 144, 165, 169, ср. *Слава*.
 ПОРИЦАТЕЛИ Гете, I, 78—83, 207, II, 157, 263—266, 402.
 ПОЭЗИЯ, I, II, 3—5, 90, 91, 134, 171, 172, 187, 212, 355, 382, 249.
 ПОЭТЪ I, 99—101, 102 *въ прим.* 145, 158, 159, 211, 212, 220, 223, 225, 226, 235, 236, 289, II, 13, 17, 22, 106, 125, 180, 210, 259, 261, 262, 400, 401.
 ПОЭТЕССЫ, I, 116, 142, 143, 144, 145.
 ПОЧЕРКЪ, II, 161.
 ПУССЕНЪ, Николай, I, 87, 207, 208, 339, II, 383.
 ПЧЕЛЫ, II, 47, 48, 144, 408.
 ПЕРЕПЛЕТЫ книжные, I, 14.
 ПИСАТЕЛЬНИЦЫ см. поэтессы.
 ПИСАТЕЛИ см. литераторы.
 ПРЕЛЛЕРЪ, Фридр. I, 207 и прим., 208 и прим.
 ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ, II, 335.
 ПРИДВОРНЫЕ, I, 129.
 ПРИЛИВЪ и отливъ, II, 178.
 ПРОПЕРЦІЙ, II, 35 *въ прим.* 271.
 ПРЕДРАСПОЛОЖЕНІЕ, монада, II, 407, 409, 410.
 ПРИРОДА и искусство, I, 333—336, 351, II, 109—111.
 ПРИРОДА и люди, II, 160, 161.
 ПРОТИВНИКИ Гете, ихъ классификація, I, 116—118, II, 80, 237, 238.
 ПРОДУКТИВНОСТЬ, II, 59—71.

- ПРОТЕСТАНТЫ, II, 175, 399—400.
 ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ см. продуктивность.
 ПРОРОЧЕСКОЕ СЛОВО, какъ воспоминаііе былаго существованія,
 II, 411.
 ПРЕКРАСНОЕ, I, 333.
 ПРОТИВОРѢЧІЕ см. контрастъ.
 ПРУССКІЕ ПРИНЦЫ, Карлъ и Вильгельмъ, I, 293.
 ПУБЛИКА, I, 12, 49, 112, 154, 171, 207, 224, 245, II, 169, 213,
 214, 341, 367.
 ПУЛЬЧИНЕЛЛО, II, 241.
 ПУТЯТИНЪ, князь, I, 265, *прим.*
 ПУТЕШЕСТВІЯ, I, 47, II, 281, 290.
 ПУШКИНЪ, А. С. I, 213 *въ прим.* II, 70, *въ прим.* 159 *въ прим.*
 376 *въ прим.*

Р

- РАБЛЭ, II, 300.
 РАВНЫЙ познается равнымъ, II, 63, 310, 345.
 РАЗВИТІЕ, естественное, I, 335, 336.
 РАЗВИТІЕ, художественнаго таланта, I, 162—167, 183—185,
 207, 208, 240, 252, 253, II, 169, 360, 388.
 РАМБЕРГЪ, Іог. Гейнр., I, 104.
 РАППЪ, Жанъ, графъ, II, 310.
 РАСИНЪ, Жанъ, I, 3 *въ прим.* 114, 355, *въ прим.*
 РАУПАХЪ, Эрнстъ, I, 36.
 РАУХЪ, Христіанъ, I, 87.
 РАФАЭЛЬ, I, 78, 163, 253, II, 60, 70, 106, 183, 184, 199, 201,
 202, 207, 395, 405.
 РЕАЛЬНОЕ, РЕАЛИЗМЪ, I, 217, 218, 249, 338, 339, II, 3, 4, 186, 246.
 РЕККЕ, Элиза фонъ-деръ, II, 377, 378.
 РЕЛИГИЯ, I, 121, 122, II, 329—331, 334, 390. Ср. Вѣра.
 РЕМБРАНДТЪ, фонъ Ринъ, II, 379.
 РЕЙТЕРНЪ, Гер., баронъ фонъ, II, 360.
 РЕНИ, Гвидо, II, 199.
 РЕЙНГАРДЪ, Фридр. графъ, фонъ, I, 29, и *прим.* 128, 289, его
 сынъ, II, 193, 194.
 РИММЕРЪ, I, 4, 9, 13, 31 и *прим.* 33, 123, 145, 146, 149, II,
 235, 273, 275, 276.
 РИЕНГАУЗЕНЪ, братья, II, 33.
 Rire (le) de Mirabeau, II, 284.
 РИСУНКИ, собственноручные I, 68, II, 2, 3, 83, 84.
 РИЧАРДСОНЪ, Самуилъ, I, 286.
 РОМАНО, Джуліо, II, 199.
 РОКЪ см. судьба.
 РООСЪ, Іог. Гейн., I, 98, 99.
 РОССИНИ, Джакомо, II, 94, 95, 98, 324.

- Ротшильдъ, II, 110, 194.
 Рувенсъ, Петро-Павелъ, I, 328—329, 337—339, II, 6, 309.
 Руссо, Жанъ-Жакъ, I, 137, II, 265, 278 *въ прим.*
 Русскіе, II, 175, 207, 289.
 Рэбейнъ, Вильг. I, 2, 7, 52, 142, 143, 144, 145.
 Рѣръ, Юг. Фридрихъ, I, 254 и *прим.* 307.
 Рюнсдаль, Як. фонъ, I, 121, II, 246.
 Рюккертъ, Фридрихъ, I, 50, II, 263.

С

- САВАРИ, I, 74.
 САВИНЬИ, Фр. Карлъ фонъ, II, 173.
 СЕГЮРЪ, Поль Ф., графъ, II, 197.
 СЕНТЬ-БЕВЪ, Шарль-Огюстъ, II, 256.
 СЕНТЬ-ИЛЕРЪ, Жофруа, де, II, 292, 293, 372 и *прим.*, 384.
 Saint Aignan, I, 261 *въ прим.*
 СЕНЬ-СИМОНЪ, герцогъ, II, 251.
 СЕНСИМОНИЗМЪ, II, 294—296.
 СЕРВСКІЯ ПѢСНИ, I, 144, 145, 284, 285.
 СОВѢТЫ, II, 306.
 СОКРАТЪ, I, 315.
 СОЛЕПРОМЫШЛЕННОСТЬ, I, 5, 6. II, 222.
 СОЛОМОНЪ, царь, II, 389, 391.
 СОННЕРАТЪ, I, 49.
 СОРЪ, Фридр. Яковъ, I, 1, *въ прим.* 54, 280. II, 144, 316, 326, 341, 345, 379—381.
 СОФОКЛЪ, I, 203, 204, 245, 276, 290, 291, 303—312, 314, 315, 319—321. II, 11.
 — Антигона, I, 303, 307, 309, 319, 320.
 — Аяксъ, I, 306, 307.
 — Бѣшеный Геркулесъ, I, 306.
 — Филоктетъ, I, 310.
 — Эдипъ въ Колонѣ, I, 310, 311.
 — Эдипъ царь, I, 303, 305.
 СВЕДЕНБОРГЪ, II, 409.
 СВОБОДА, I, 272—274. II, 173.
 СВОБОДА ПЕЧАТИ, I, 8—11, 354.
 СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗЪ, I, 250.
 СВѢТСКІЕ ЛЮДИ, I, 217.
 СКОТТЪ, Вальтеръ, Сэръ, II, 13, 17—22, 90—93, 100, 101, 103, 221, 339, 340.
 СКОРОМНОСТЬ И НАДМЕННОСТЬ, II, 287.
 СЛОНЫ, на сценѣ, II, 213.
 СКЭФЪ, Джонъ, I, 124 и *прим.*
 СЛАВА, I, 6, II, 121. Ср. Популярность.
 СЛАВКА, II, 27.

- Слезное наслаждение, I, 11.
 Сны, I, 122, 129, II, 38, 44, 71—74.
 Смерть, I, 7, II, 244.
 Смолетъ, Товія, II, 3.
 Спиноза, Варухъ, II, 330.
 Staël, m-me, I, 5.
 Старонѣмецкій см. древненѣмецкій.
 Старость, II, 64, 65, 137, 145, 207, 239, 273, 313, 314, 364.
 Стендаль, Мори-Анри-Бейль, II, 301.
 Стернь, Лаврентій, II, 71, 75, 129, 223.
 — Тристромъ Шенди, II, 58.
 — Сентимент. пут., II, 75.
 Стиль, I, 116.
 Стихи и проза, I, 285, 286.
 Стихотворения на случай I, 26.
 Стихъ, трагическій, I, 35; значеніе размѣра I, 91, 271, ритма, II, 173, техника, 303.
 Стрѣльба изъ лука, I, 193—202, II, 294.
 Страхъ, боязнь и опасеніе, II, 13, 14 и *прим.*
 Страхъ и нравственная воля, II, 177, 178.
 Субъективныя и объективныя эпохи, I, 223, 224.
 Суссексъ, Авг. Фредер., герцогъ, II, 200.
 Судьба, въ трагедіи, I, 76, II, 400.
 Сюжеты художественныхъ произведеній, I, 27, 28, 46, 47, 49, 89, 90, 121, 122, 144, 145, 228, 270, 290, 291, 303, 304, 310, II, 273, 323, 400.
 Сумасшедшіе, II, 275.
 Сѣзды ученыхъ, II, 228.
 Сѣверогерманскіе, литераторы, II, 168.
 Сѣверогерманскія школы, I, 356.

Т

- Талантъ, I, 135, 136, 159, 251, 274, 235, II, 191, 192, 310, 311, 382.
 Талейранъ, Шарль, князь, I, 74.
 Тастю, m-me, I, 337, II, 254.
 Тайны и чудеса, II, 39—44.
 Тассо, Антонио, II, 198.
 Тассо, Торквато, I, 127, 352.
 Театръ, I, 10, 11, 31, 32, 36, 37, 39, 44, 45, 53, 54, 112, 113, 154, 169—172, 176, 177—178, 180, 181, 187, 190—192, 233, 234, 245, 263—265, 295, II, 151, 152.
 Тезей, II, 271, 272.
 Temps le, II, 231, 240, 246, 252.
 Теньеръ, II, 91.
 Тенпферъ, Карлъ, II, 300, 301, 385—386.

- Тидге, Христоф. Авг., I, 94—97.
 Тикъ, Лудвигъ и его семья, I, 20, 114—115, II, 97, 98, 101—103.
 Тироельское пѣнье, II, 81, 82.
 Тифуртъ, замокъ, 42, 43, 47.
 Тицанъ, Веделли, II, 309.
 Товя, II, 389, 391.
 Томсонъ, Джемсъ, II, 400.
 Трагедія, I, 77, 295, 306, 307, 310, 320, II, 13, 14 *въ прим.*
 Трейтель и Вюрцъ, II, 19.
 Тридцать лѣтъ, піеса, II, 185.
 Тьеръ, I, 78.
 Троица, I, 79.
 Тэккерей, I, 181, 182 *въ прим.*
 Трилоги, I, 49, II, 379—381.

У

- Удовоноятность изложенія, I, 296.
 Уландъ, Лудвигъ, I, 35, II, 402, 403 и *прим.*
 Университеты, I, 88.
 Унцельманъ, Карлъ, актеръ, II, 217.
 Уранія, поэма, I, 94, 95.
 Уранъ, планета, II, 411, 414.
 Ученые, I, 13, 14, 65—67, II, 47.
 Учись повиноваться, I, 358.

Ф

- Фавель, Шарль, баронъ, II, 254.
 Фалькъ, Иог. Даніилъ, I, 167 *въ прим.*, II, 395 *въ прим.*, 404 *въ прим.*
 Фантазія, I, 217.
 Фацусъ, граверъ, II, 171.
 Фенелла, опера, II, 340.
 Фидій, II, 60.
 Фикція, въ искусствѣ, I, 339—341, II, 6.
 Фильдингъ, Генри, I, 136.
 Филимонъ и Бавкида, II, 369.
 Финкенштейнъ, графиня, фонъ, II, 97, 98, 103.
 Филистерство, II, 77, 126, 127, 247 *въ прим.* 358.
 Философія и жизнь, II, 395, 399.
 Фихте, Иог. Готтл. II, 203.
 Foreigh review, II, 103.
 Фокусы, II, 301, 302.
 Форсированье, форсированные таланты, I, 37.
 Фогель, Карлъ, докторъ, I, 254 и *прим.* II, 193, 226, 243, 299, 317, 318, 354.

- Фоссъ, Иог. Гейнр. I, 348, II, 36, 184, 302, 303.
 Флетчеръ см. Бьюмонтъ.
 Флеммингъ, I, 253 и прим.
 Фразеръ, Вильямъ, II, 103.
 Frazer's magazine, I, 182 въ прим.
 Франклинъ, Бенъяминъ, I, 299.
 Французская исторія, какъ поэтический матеріалъ, I, 212.
 Французская живопись, I, 87, 97.
 Французская революція, I, 81, 106 и прим.
 Французскій театръ, I, 112, 132, 314.
 Французскій языкъ и литература, I, 132, 139, 140, 212, 231, 250—252, 275, 276, 280, 346, II, 6, 15, 93, 109—148, 149, 159, 164, 165, 231, 232, 240, 252—253, 254—256, 257—262, 348—350, 353, 372 373, 374—376 въ прим.
 Фридрихъ, слуга, II, 30, 181, 192, 403.
 Фридрихъ, Великій, I, 92, 123, II, 61, 335.
 Фридрихъ-Вильгельмъ, IV, король прусскій, I, 293, II, 63 и прим.
 Фридрихъ II, императоръ германскій, I, 213.
 Французы, I, 116, 132, 245, 251, II, 6, 8, 9, 11, 75, 247, 262.
 Фрейшютцъ, см. Волшебный стрѣлокъ!
 Фридрихъ IV, герцогъ Саксенъ-Готскій, II, 32.
 Фридерика (Бріонъ) II, 39, въ прим., 250.
 Фроманнъ, Карлъ - Фридр. - Эрнстъ, книгопродавецъ - издатель, I, 20 и прим., II, 56.
 Фрондерство, I, 249.
 Фуке, баронъ де-ла Моттъ, II, 10, 11, 89, 90.
 Фюрстенштейнъ, Антонъ, I, 26.
 Фюсли, Гейнрихъ, I, 68.

X

- Хаосъ, журналъ, II, 243, 288, 289.
 Характеръ, личный, писателей и художниковъ, I, 114, 212, 213, 214, 224, 290, II, 110, 111, 309, 310.
 Характеры, драматическіе, ихъ изображеніе, I, 44, 45.
 Ходовецкій, живописецъ, I, 37 и прим.
 Холодковский, II, 129 въ прим., 130 въ прим.
 Христіанская религія, II, 135, 136, 370, 371, 394, 398.
 Христіанская церковь, 390—394.
 Христосъ, I, 82, II, 78, 79, 241, 270, 276, 278 въ прим., 305, 307, 359, 392, 393, 394.

Ц

- Цауперъ, I, 41.
 Царственные особы, I, 129, II, 7, 31, 32, 116, 117, 118, 165, 183, 195.

- ЦЕДРАТЫ, I, 125, 126.
 ЦЕЗАРЬ, Юлий, I, 77, 131, 262.
 ЦЕЛЬТЕРЪ, Карлъ-Фридрихъ, I, 59 и прим., 60—63, 175, *въ прим.*, 187, 188, 219, 316, *въ прим.*, 358, II, 36, 37, 143, 161, 166, 170, 171, 246, *въ прим.*, 286, 297.
 ЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ, ея польза относительно развитія талантовъ, I, 344—346.
 ЦИЦЕРОНЪ, I, 140, II, 385, *въ прим.*, 405.
 ЦѢЛОЕ, въ худож. произв., I, 24—28, 339.
 ЦИФРЫ, ихъ значеніе, II, 211.

Ч

- ЧЕЛОВѢЧЕСТВО, I, 215, II, 95—97, 115, 116, 160, 161.
 ЧИТАТЕЛЕЙ, милліонъ, I, 207.
 ЧРЕВОВѢЩАТЕЛЬ, II, 212.
 ЧТЕНІЕ, II, 227, 336.

Ш

- ШАТОБРИАНЪ, Франсуа-Огюстъ, виконтъ де, I, 250, II, 194.
 ШАХМАТНАЯ ДОСКА, шеса, I, 38, 41.
 ШВАБЕ, Иог. Фр., II, 324, 325.
 ШВАНЕФЕЛЬДЪ, Германъ, фонъ, II, 383, 384.
 ШВЕЙЦАРІЯ, I, 86, 87.
 ШЕКСПИРЪ, Вильямъ, I, 69—71, 87, 91, 102, *въ прим.*, 115, 136, 146, 147, *въ прим.*, 148, 156 и прим., 159, 172, 191, 218, 219, 233, 235, 290, 314, 322, 340, 341, II, 67, 87, 88, 151, 152, 189, 207, 255, 395.
 — Гамлетъ, I, 112, 148, *въ прим.*, II, 67.
 — Макбетъ, I, 219, 235, 340, 341.
 — Тронъ и Крессида, I, 219.
 — Цимбелинъ, I, 148, *въ прим.*
 Шелли, поэтъ, I, 148 *въ прим.*
 ШВЕЙЦЕРЪ, Христ. В., I, 183.
 ШЕЛЛИНГЪ, Фридр.-Вильг.—Иос., I, 110, II, 315, 322 и прим.
 ШЕЛЬГОРНЪ, Франц.-Вильг., I, 137 и прим.
 ШИЛЛЕРЪ, Фридр., фонъ, I, 53, 54, 59, *въ прим.*, 61, 81, 102, *въ прим.*, 112, 113, 118, 135, 149—154, 170, 172, 173, 174, 203, 204, 205, 206, 207, 233, 234, 257, *въ прим.*, 264—266, 270, 271, 272—276, 318, 332, 345, 351, 354, *въ прим.*, II, 17, 32, 37, 38, 44—46, 126, 127, 156, 157, 158, 189, 211, 255, 256, 289, 312, 343, 359, 367, 368.
 — Альманахъ музъ, I, 135.
 — Валленштейновъ лагерь, 367.
 — Валленштейнъ, I, 53.
 — Коварство и Любовь, I, 345.

- Шиллеръ, Ксении, I, 149, 151.
 — Оръ, I, 135, 149.
 — Разбойники, I, 153, 266, 345.
 — Флесско, I, 146.
 Шимановская, Марія, I, 36, 39, 40, 41, 45, 52, 57, II, 380.
 Шинкель, Карлъ Фр. II, 163, и *прим.*
 Шлегель, братья, I, 20, 115, 134, 206, 214 и *прим.*, 313—315,
 317 *въ прим.*, 341, 342.
 Шлоссеръ, I, 128 и *прим.*
 Шопенгауеръ, г-жа, II, 193, 194.
 Шоссе, постройка, II, 162, 163.
 Шмидтъ, Христ. Фр., I, 3 и *прим.*
 Штадельманнъ, слуга, I, 15 и *прим.*, 36, 39, 55, 56, 89, 96.
 Шпигель, Карлъ, фонъ, II, 192, 400.
 Шпигель, г-жа, I, 94.
 Шренъ, Лудв., II, 44, 45, 219.
 Штернвергъ, Каспаръ, графъ, I, 50, 351.
 Штиллеръ, Гос.-Карлъ, живописецъ, II, 80, 81.
 Штутгартскія литографіи, I, 2.
 Шувартъ, Карлъ-Эрнстъ, I, 34 и *прим.*, 35, 59, II, 135 и *прим.*
 Шуленбургъ, Фридр. Альб., графъ, фонъ, I, 354 и *прим.*
 Шультцъ, Христ. Лудв., I, 29 и *прим.*, 30, 33, II, 24.
 Шютце, Стефанъ, I, 3 и *прим.* 230 и *прим.*

Э

- Эвертъ, Эгонъ, II, 90, 168, 169, 188, 189.
 Эвервейнъ, Трауготтъ Макс., I, 255.
 Эвервейнъ, Францъ-Карлъ, и его семья, I, 4, 118, 254, 255.
 Эврипидъ, I, 5, 155, 202, 203, 204, 245, 291, 310, 315.
 Эглоффштейнъ, графиня Юлія, фонъ, I, 12 *въ прим.*
 Эглоффштейнъ, графиня Каролина, фонъ, I, 12 и *прим.*, II, 284.
 Эгоизмъ, въ искусствѣ и наукѣ, I, 65, 104, 105, 162.
 Edinburgh review, II, 125.
 Эклектизмъ, эклектика, II, 397 и *прим.*, 398.
 Эккерманъ, Гог.-Петръ, I, X—XVIII, 14, 16, 20, 21, 22, 23,
 24, 27, 29, 30, 31, 33, 39, 42, 47, 50, 58, 59, 119—121, 133,
 134, 193, 194, 224, 242, 243, 246, 247, 262, 317—319, II, 25,
 33—40, 53, 57, 58, 71—73, 106—108, 243, 255—290, 296—297,
 298, 299, 403.
 Экспозиція, I, 232, 270, 279, 283, 292, II, 353, 354.
 Эльсъ, актеръ, I, 173.
 Эмансипація Ирландцевъ, II, 164, 174, 175.
 Эмпиризмъ, у Байрона, I, 235, 236.
 Энтелехія, II, 64 и *прим.*, 65, 204, 249. *Ср.* монада.
 Эпикуръ, II, 398.
 Эразмъ, I, 6.

Эстетика, эстетики, I, 212, 333, II, 4, 14, 188.

Эсхиль, I, 203, 204, 245, 291, 314, 315.

Этtersбергъ, II, 25, 26, 32.

Этtersбургъ, II, 25, 32.

Этюды съ натуры, I, 208—210.

Эшвеге, Вильг. Людов., фондъ, I, 4 и прим.

Ю

Юмъ, II, 278, *съ прим.*

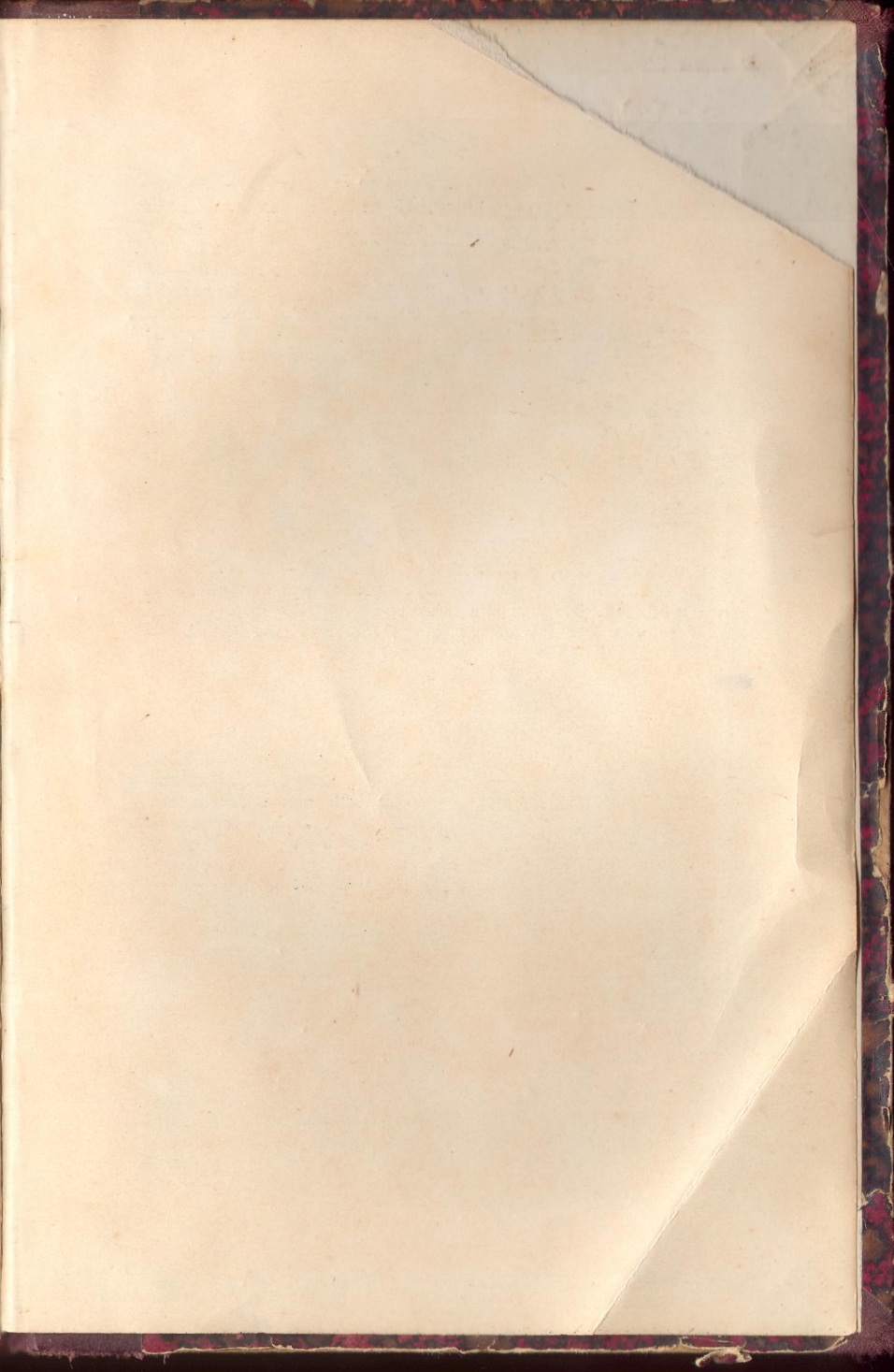
Я

Языкъ, его недостаточность, II, 371.

Якоби, Фридр. Гейнрихъ, I, 323—326, II, 140, 399.

Яковъ, Тереза-Августина, фондъ, 144 и прим.

504

450

2 кнум
50
1593

STICK
1800

ОПИСАНІЕ

ОПИСАНІЕ

2